Кэтрин Сэнтер

The New York Times bestseller

СЧАСТЬЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

«Это замечательная история».
Booklist

Кэтрин Сэнтер

Счастье для начинающих

«Эксмо»
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сэнтер К.

Счастье для начинающих / К. Сэнтер — «Эксмо», 2015

Хелен поддается на уговоры брата и отправляется в весьма рисковое путешествие, чтобы отвлечься от недавнего развода и «перезагрузиться». Курс выживания в дикой природе – отличная затея! Но лишь до тех пор, пока туда же не засобирался Джейк, закадычный друг ее братца, от которого всегда было слишком много проблем. Приключение приобретает странный оборот, когда Хелен обнаруживает, что у каждого участника за спиной немало секретов, которыми они готовы поделиться, а также уникальный жизненный опыт, способный перевернуть ее мировоззрение.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Сэнтер К., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 35
Глава 6 45
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Кэтрин Сэнтер
Счастье для начинающих

Copyright © Copyright c 2015 by Katherine Center
Published by arrangement with St. Martin's Press. All rights reserved

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Если хотите отправить меня в ад, забросьте меня на вечеринку, где я никогошеньки не знаю. А если хотите сделать все по-настоящему кошмарным, набейте помещение подвыпившими ребятишками из колледжа. И позаботьтесь, чтобы любой сумел пролить на меня выпивку. Не говорите мне про вечеринку заранее, – чтобы я заявилась туда в трениках, стянув волосы в хвост. И в довершение суньте мне под мышку кошачью переноску цвета розовой жвачки. С разобиженной карликовой таксой внутри.

Или лучше не стоит. Поскольку тогда вы превратитесь в моего брата Дункана. И уж поверьте, Дунканом вам быть не захочется.

Вот что он выкинул на сей раз. Он пообещал три недели присматривать за моей собакой Пикл, пока меня не будет в городе. Я ему напомнила, что Пикл любит кусать прохожих за лодыжки и людей в целом не жалует. И собак тоже. И вообще живых существ. Однако Дункан так искренне клялся, что сам хочет с ней возиться, что, даже зная его всю жизнь, я согласилась. Он божился, мол, всего себя посвятит ее комфорту, пока меня нет. Он даже шутил, мол, зажжет свечку с ароматом мяса, лишь бы она чувствовала себя как дома.

Мы договорились, что я привезу Пикл накануне отъезда, но к назначенной дате Дункан вообще забыл о собственном плане, словно его и не существовало вовсе. Вместо этого он решил устроить у себя «небольшое сборище добрых друзей», где его сосед Джейк выступит барменом. Джейк, в свою очередь, изобрел коктейль под названием «Ламбада», в состав которого входил домашний самогон. Джейк клялся, мол, достаточно нюхнуть его стряпню, и секс вам гарантирован.

Внезапно в квартиру размером с холодильник набились сто человек. И одной из них была я.

Самое худшее тут – не то, что Дункан раз за разом откалывает подобное. Самое худшее – то, что я раз за разом на это покупаюсь. А пострадать теперь придется моей эмоционально ущербной собачке.

Как всегда в подобных ситуациях, от Дункана не было ни слуху ни духу. Я протолкалась в его комнату, но там никого и ничего не было. Впрочем, последнее не совсем верно: были и грязные трусы на полу, и контейнеры от китайской еды трехнедельной давности, и плакаты с девицами в бикини – не было только самого Дункана. На кресло с откидной спинкой в углу, которое он притащил со свалки, была навалена выше моего роста куча грязной одежды. С одинокого гвоздя свисал престарелый моток елочных гирлянд, помаргивающий огоньками наподобие Вегаса.

Пробравшись к незаправленной кровати, я опустила на нее переноску с Пикл и наклонила, чтобы заглянуть внутрь. Из-под верхней губы Пикл показались клыки. Уши обвисли. В глазах светилась обида.

– Ты хочешь тут жить, да? – спросила я.

К моему удивлению, ответил мне голос у меня за спиной:

– Да я не против.

Голос принадлежал Джейку. Соседу по квартире, бармену и лучшему другу Дункана с десятого класса. Но до меня не сразу все это дошло, и не только потому, что он стоял в углу, где его не было видно. Он выглядел иначе – то есть радикально иначе – по сравнению с тем, когда я в последний раз его видела. Когда же это было? Черт его знает. Достаточно давно, чтобы он успел вырасти эдак на фут и раздаться во всех приятных мальчишеских местах, например в плечах, а еще приобрести гораздо лучшую стрижку – с перышками вместо дурацкой челки. Конечно, я его узнала, но он настолько не походил на человека, которого я себе представляла в тех редких случаях, когда вообще о нем думала, что я невольно спросила:

– Джейк?

Он поднял руку:

– Привет, Хелен.

– Ты что, там прятался?

– И вовсе я не прятался, – нахмурился он. – Я в закутке сидел.

– В каком еще закутке?

– Ну это… – Он жестом указал куда-то позади себя. – Мы сделали из встроенного шкафа укромный уголок. Местечко, чтобы поиграть в видеоигры, послушать музыку. Я там в основном читаю.

– Вы с Дунканом построили укромный уголок?

– Там классно. Словно сидишь в космическом корабле. Хочешь посмотреть?

Я уставилась на него во все глаза, мол, «что, правда?». Мне никогда не нравился этот парень. Все, что выводит меня из себя в Дункане, в Джейке преумножено десятикратно. После знакомства с Джейком Дункан стал вдвое меньше мыть посуды, вдвое меньше делать домашних заданий и работы по дому и вдвое больше курить, чем раньше. Я надеялась, что, когда они поступят в колледж, их пути разойдутся, но они взяли и поселились вместе. И были соседями на протяжении четырех лет. Последний курс закончился, и наступило лето (впрочем, Дункан так и не получил диплом), а они все еще жили вместе как малолетние идиоты.

По-видимому, у Дункана не нашлось времени, чтобы получить диплом, но он сумел выкроить достаточно, чтобы построить у себя космический корабль. Нет, я не хотела смотреть на их закуток. Ни за какие коврижки.

Джейк пялился на меня, как всегда пялился, когда мы оказывались в одном помещении: чуть приоткрыв рот, будто не просто на меня смотрит, а вроде как созерцает. Будь на его месте кто-то другой, мне бы польстило.

Пауза затягивалась, и я выдавила наконец:

– Ты свой хвост срезал.

Он кивнул, точно только что вспомнил.

– Ага… То есть, ну да. Взял большущие ножницы, и щелк! Дункан держит его в кофейной кружке на полке и называет его нашим домашним животным.

Снова пауза, Джейк все кивал.

– Перед церемонией вручения дипломов? – спросила я наконец.

– Нет. – Перестав кивать, Джейк переключился на покачивание головой. – На первом курсе.

Это привлекло мое внимание.

– Так у тебя была короткая стрижка с самого первого курса? Разве мы с тех пор не виделись?

– Еще как. Уйму раз.

Я не могла припомнить, когда видела его в последний раз. И я уж точно никогда не замечала, что он срезал дурацкий хвост и начал укладывать волосы на манер Призрачного Гонщика. Надо полагать, иногда в голове у тебя складывается представление о человеке, и потом уже, глядя на него, видишь только это свое представление – что бы ни случалось.

– Может, дело в очках? – предположил он.

Я нахмурилась.

– У меня новые очки. – Он постучал пальцем по оправе. – До этого года я очки не носил.

– А… Да, наверное.

Мне – и, вероятно, ему тоже – понемногу становилось ясно, что я никогда раньше взаправду на него не смотрела. Он мог бы утверждать, что всегда носил пиратскую повязку на глазу, а я не могла бы это оспорить.

– Симпатичные, – за неимением лучшего сказала я.

– Очень в духе эпохи Никсона. Дункан начал звать меня «Аполлон Тринадцать».

Ну вот, пожалуйста. Стрижка, хипстерские очки и загадочное приобретение всяческих мускулов. Три – все-таки магическое число.

– Ну… – Я отвела взгляд. – Так в тысячу раз лучше.

– Спасибо.

Снова пауза.

– Ищешь Дункана? – спросил, помолчав, Джейк.

– Да! – Стоило мне это произнести, как я вспомнила… как же я чертовски зла. – Предполагалось, что он присмотрит за моей собакой.

– Так там собака?

Джейк заглянул в переноску. Пикл зарычала.

Музыка за стеной как будто стала громче.

– Мы договорились, что я сегодня вечером завезу ему Пикл, – сказала я. – Откуда мне было знать, что Дункан устроит шоу «Отвязных девчонок»?

Джейк, как бы извиняясь, сморщил нос:

– Скорее всего, он забыл.

– Конечно, он забыл! – рявкнула я. – В этом весь Дункан! И вот почему я ухожу. Но сначала хочу хорошенько его поблагодарить за то, что так меня подвел. Опять!

Джейк кивнул, словно взаправду понимал:

– Он горазд предлагать помощь, а с выполнением обещаний обстоит похуже.

Я покачала головой, дивясь собственной глупости:

– Мне вообще не следовало соглашаться.

– Но это же непросто, – вставил Джейк. – Он же совершенно искренне предлагает. Нужно просто натренироваться говорить «нет». Я даже татуировку себе наколол: «ВСЕГДА ГОВОРИ «НЕТ» ДУНКАНУ».

Я склонила голову набок:

– Что, правда?

Он улыбнулся так, словно считал меня восхитительной.

– Нет конечно. Просто шучу.

Я вздохнула.

– Кстати, классные хвостики, – добавил он.

Тут Пикл залаяла, притом громко. И никак не унималась.

– Ты знаешь, где Дункан? – спросила я.

Он кивнул:

– У меня в комнате. Вот почему я здесь.

Я покачала головой:

– Почему ни один из вас не участвует в собственной вечеринке?

– Гм. – Джейк задумчиво вперился в потолок. – Ну, я книжку отличную начал читать, поэтому решил устроить себе перекур от барменства и посмотреть, что там будет дальше, а Дункану, я почти уверен, как раз повезло.

Я прикрыла глаза рукой:

– Пожалуйста, скажи, что опять пошутил!

– Нет, – покачал головой Джейк. – Кажется, у меня сексгнание.

Я опустила руку, чтобы на него посмотреть.

– Так бывает, когда тебя изгоняют из твоей же комнаты, – объяснил он, – потому что кто-то еще занимается там сексом.

– Знаю я, что такое сексгнание, – отрезала я. – Словечко еще тогда появилось, когда я в колледже была.

Джейк одобрительно кивнул.

– Но почему он в твоей комнате?

Джейк обвел рукой комнату Дункана, точно это было очевидно.

– Нельзя же привести девочку сюда.

Я пробежалась взглядом по плакатам с бикини.

– А к тебе можно?

Он пожал плечами:

– У меня уровень грязи пониже.

Я снова вздохнула. Я готова была прервать большинство занятий Дункана, но не испортить редкий случай его везения.

– Можешь ему кое-что от меня передать? – спросила я.

– Конечно. Что угодно.

– Скажи ему, что он идиот, и пусть поцелует меня в задницу.

Джейк кивнул, старательно запоминая.

– Усек.

– Не забудь, – сказала я, наклоняясь, чтобы подобрать переноску с Пикл.

Он театрально начертил крест над сердцем:

– Не забуду. Особенно фразу про твою задницу.

Он что, со мной флиртует? Он же на десять лет меня младше! Подобное нахальное поведение заслуживало ледяного взгляда. Но в честь того, что он обрезал сальный хвост, я ему простила.

Но когда я была у самой двери, Джейк произнес слова, услышав которые, я застыла как вкопанная.

– Кстати, спасибо, что согласилась подбросить.

Все еще держа руку на ручке двери, я обернулась:

– Куда подбросить?

С секунду Джейк смотрел на меня в полнейшем недоумении, потом нахмурился:

– Ну подбросить. Завтра.

– Извини, – сказала я. – Я в самом деле завтра уезжаю из города, поэтому никуда тебя подбросить не могу.

Да я и в любом случае не стала бы. Я что, хотя бы раз его куда-то подвозила? О чем он говорит?

– Я знаю, – сказал он. – Ты собираешься в Вайоминг. В пеший поход. На курс выживания.

– Верно, – согласилась я, удивляясь, что Дункан сумел правильно передать столько подробностей.

– Мне тоже нужно завтра попасть в Вайоминг. Чтобы пойти в поход…

И, к ужасу моему, я вдруг поняла, что он сейчас скажет…

– … на тот же самый курс выживания.

Я опустила переноску с Пикл.

– Извини. Что ты сказал?

– Мы едем в то же самое место, – сказал он, словно все было совершенно логично. – Дункан сказал, что ты не против меня подбросить.

Идиотизм какой-то! Зачем этому мальчишке Джейку идти в тот же поход, что и я? Как вселенная вообще позволила такому случиться? Я же делаю это ради себя, совсем одна. И еду не куда-нибудь, а на программу «Горный туризм – выживание»! Программы «ГТВ» славились своей трудностью, неизменно были изнурительными и иногда опасными для жизни. Для меня это многое значило. Это должно было стать духовным путешествием, вехой на пути духовного развития. Оно должно было означать, что я пришла в себя после худшего года – или даже шести худших лет – моей жизни. Только этого придурка, друга Дункана, там не хватало. Его туда не звали!

– Но я же собиралась туда одна, – сказала я тем деловитым тоном, который всегда отлично срабатывал с первоклашками.

– Ну, в поход идет двенадцать человек плюс инструктор, так что ты одна в любом случае не будешь.

Выходит, он не первоклашка.

– Говоря «одна», я имела в виду «в одиночестве».

– В одиночестве с еще одиннадцатью людьми, – подтвердил он. – И мной.

Безумие какое-то!

– Как вышло, что ты идешь в мой поход?

– Строго говоря, это ты идешь в мой поход, – возразил Джейк. – Дункан только потому про него узнал, что я в него собрался.

Дункан! Это все его вина. Опять. Как обычно.

– Но он ни разу про тебя не заикнулся.

– Кажется, в тот момент, когда ты записывалась, я думал, что у меня не получится. А теперь получается. – Он пожал плечами, вид у него стал довольный.

Но план-то был не такой. Я полгода фантазировала, как поеду на машине в Вайоминг и устрою себе грандиозное приключение с группой незнакомцев, которое полностью изменит не только мою жизнь, но и саму мою личность. План заключался в том, чтобы одной выйти в большой мир, завоевать его и вернуться лучшей, более отчаянной, более крутой версией себя самой. Этот план не подразумевал никого, кроме меня, а уж Джейка в последнюю очередь.

Я скорчила виноватую мину.

– Извини, но я думала по пути туда переночевать у бабушки, – сказала я, точно этот аргумент способен положить конец дискуссии.

– У Бабули Джи-Джи? Она меня любит.

– Она тебя не пустит.

Бабушка Джи-Джи не любила никого, кроме меня. И Дункана. Изредка.

– А вот и пустит. Клянусь. Хочешь, позвони ей.

– Не собираюсь я ей звонить. У меня куча дел. И по пути назад мне надо на бар-мицву, повидать старых друзей.

Он кивнул.

– Сына твоего бойфренда и лучшей подруги из средней школы. Верно? Зачем тебе туда идти?

У меня отвисла челюсть. Этот мальчишка слишком многое знал о моей жизни.

– Я туда иду, потому что теперь мы друзья на фейсбуке, и потому что они меня пригласили, и потому что не слишком полезно без конца обижаться.

– Вы – друзья на фейсбуке?

– Ага. – Вот только я никогда, вообще никогда не захожу на фейсбук. Я моргнула. – Откуда ты вообще все это знаешь?

– Дункан мне рассказал. – Джейк пожал плечами. – Да всё в порядке. Назад меня подвозить не нужно. Только туда.

– Ты не вернешься? – удивилась я.

– Со временем, конечно, вернусь, – отозвался он. – Но сначала я поеду на полуостров Баха. Примерно через четыре дня после окончания похода «ГТВ». Полечу из Денвера самолетом.

Он помедлил. Наверное, ждал, что я спрошу его, зачем он туда едет.

Я не спросила.

– Мне удалось получить место помощника в полевой экспедиции по изучению поведения китов.

Я уставилась на него во все глаза.

– Мы собираемся выходить к их нерестилищам на небольших гребных лодках и изучать, как они взаимодействуют с людьми.

Тут я поддалась любопытству:

– Зачем?

– Потому что это потрясающе интересно.

– Вот как?

– Ага. Киты подплывают к лодкам – по своей воле. Люди их гладят.

– Зачем?

Он нахмурился, словно не мог вообразить, как я могу задавать такой вопрос. Словно бы я должна все понимать. По правде говоря, я и понимала. Зачем гладить кита? Потому что он этого хочет.

– Это круто, – сказал он. – Люди плачут. Начинают вдруг петь песенки из мюзиклов.

– Из мюзиклов?

– Говорят, что стали совершенно другими людьми.

– Уж и не знаю, что такого в поглаживании китов.

Джейк посмотрел на меня пристально:

– Нет, знаешь.

– А вот и не знаю.

Мы сверлили друг друга глазами.

Минуту спустя он продолжил, будто перепалка из-за китов каким-то образом улаживала вопрос о поездке в Вайоминг:

– То есть мне просто нужно попасть в Вайоминг. Ты меня даже не заметишь. Если хочешь, могу сидеть на заднем сиденье. Или можешь привязать меня к багажнику на крыше. Я подумал было, не записать ли плейлист, а потом такой – нет, мужик, у нее своя музыка, поэтому я не буду тебе мешать, даже не пикну, и слушать будем, что пожелаешь. Даже Карли Саймон или еще кого…

– Нет! – почти выкрикнула я. Меня захлестывала все нарастающая паника. Вот опять моя жизнь идет своим чередом – без моего согласия. Опять! – Послушай, не знаю, чего наговорил или наобещал тебе Дункан, но мне очень жаль, я не смогу тебя подвезти. Придется тебе просто пойти в другой поход.

– Но деньги-то не вернут.

Конечно, я это знала.

– Тогда тебе придется просто сесть на автобус. Или еще как-то добираться.

Джейк всмотрелся в мое лицо.

– Ладно, – сказал он. – Нет проблем.

Я выдохнула.

– Хорошо. Отлично! Увидимся в Вайоминге. – Я наклонилась подобрать переноску с Пикл.

– Вот только… – добавил он.

– Только что? – Я выпрямилась.

– Вот только у меня плохо с наличкой. Сомневаюсь, что наскребу на билет на автобус.

Я закрыла глаза.

– У тебя плохо с деньгами?

Он пожал плечами:

– Мы чересчур потратились на «космоуголок».

Я поглядела на «космоуголок» в поисках подтверждения. Потом снова посмотрела на Джейка, мол – ты серьезно?

– А как же твои родители? – спросила я.

– Родитель, – поправил меня он. – У меня только папа.

– Разве он тебя выручить не может?

– Он в Техасе. – Джейк пожал плечами, словно его отец был на Марсе. – И он вроде как не знает, что я иду в поход.

Уперев руки в боки, я попыталась подыскать другой ответ. Любой другой ответ. Под ногами у меня поскуливала Пикл.

– Да ладно, – сказал Джейк. – Я уже понял, что не получится. Просто поеду стопом.

– Нет, стопом ты не поедешь, – отрезала я.

– Но я же уже ездил раньше…

– Нет, стопом ты не поедешь, – сказала я лучшим своим учительским тоном, и мне даже на секунду показалось, что я взяла верх, – пока я не поняла, что случилось нечто прямо противоположное.

– О'кей, – Джейк пожал плечами, – поеду с тобой. – А потом усмехнулся, да так, что на щеках возникли – я не могла их не заметить – очаровательные ямочки. – Если ты настаиваешь.

Глава 2

От Бостона да Эванстона – тысяча и одна миля, плюс-минус. Покрыть это расстояние можно за день, но это будет очень долгий день. Пятнадцать часов за рулем, если верить Гуглу.

Вот почему я хотела выехать рано, еще до восхода солнца. Вот почему я хотела поселить Пикл у Дункана накануне вечером. Если я доберусь достаточно быстро, смогу провести побольше времени с бабушкой. С моей бабушкой, которая воспитала нас с Дунканом, когда мама утратила к нам интерес. С моей умопомрачительной бабушкой, которая закалывала тяжелый узел волос палочками для еды, с моей бабушкой, которую я обожала.

А теперь мне пришлось ждать, когда откроется ветеринарный центр, чтобы оставить там Пикл.

Пикл вообще не склонна чему-то радоваться, но ветцентр приводил ее в определенно суицидальное настроение. Наигранно весело махая ей рукой на прощанье, я испытала укор сожаления и спросила себя – может, все-таки лучше было бы оставить ее у Дункана. Но я не могла. Собака даже не представляла, насколько ей повезло. Если уж на то пошло, вчерашняя вечеринка практически спасла ей жизнь. Если бы я оставила ее у Дункана, то, вернувшись через пару недель, без сомнений, застала бы иссохшую кучку меха, а рядом с ней брата, который недоуменно скреб бы в затылке, приговаривая: «То-то мне показалось странным, что она так затихла».

Возвращаясь назад к моей «Субару», я сообразила, что припарковалась слишком поспешно, и одним колесом машина стоит на бордюре. В тот момент я даже не заметила, а сейчас первым делом мне бросилось в глаза, что шину надо бы подкачать. Вторым делом – Джейк, со стаканчиком кофе из «Старбакс» в руке, стоявший возле машины.

– Круто припарковалась, – сказал он, протягивая мне кофе.

– Что ты тут делаешь? – спросила я.

– Решил избавить тебя от хлопот за мной заезжать.

– А если бы мы разминулись?

– Ну, тогда получилось бы с точностью до наоборот, – признал он. – Но ведь обошлось же.

Я осмотрела его с головы до ног: намеренно взъерошенные волосы, холщовые штаны без ремня и на удивление облегающая футболка со Снупи. Дорожную сумку он прислонил к машине.

– Беспокоился, я сбегу без тебя? – спросила я.

Это вызвало у него улыбку.

– Вот именно.

– Такая мысль приходила мне в голову.

Порывшись в рюкзаке, он вытащил книжку с китом на обложке.

– Я все время буду читать, – пообещал он. – Ты даже не заметишь моего присутствия.

Я кисло посмотрела на него.

– Ну да, конечно.

– Готова ехать?

– Не особенно, – откликнулась я, но все равно открыла машину.

Глядя, как он заталкивает в багажник сумку, я задумалась – а как он вообще узнал, где меня искать, но потом вспомнила про пакет инструкций для Дункана, как обращаться с Пикл. К инструкциям прилагалась карта, на которой я фломастером нарисовала дорогу до ветеринарного центра.

– Тебе Дункан карту подсунул, – сказала я вслух.

Кивнув, Джейк захлопнул крышку багажника.

– Ты очень обстоятельная.

И то верно, можно даже сказать, я перегнула палку. Записки с объяснениями ветеринару. Записки с объяснениями Дункану. Информации больше, чем вообще кому-либо нужно. Я испытала укор совести, который тут же превратился в обиду на Дункана за то, что вынуждает меня так себя вести.

– Когда в дело замешан Дункан, иначе нельзя.

– Хочешь, я поведу?

– Нет.

Нет, я не хотела, чтобы он садился за руль. Будь моя воля, он сидел бы в багажнике вместе со своей сумкой, а я была бы впереди – наедине с песнями, которые подобрала себе в дорогу: Джони Митчелл, Нина Саймон, «Индиго герлз». Я-то планировала распевать во все горло по пути на запад, слиться со всеми сразу от Энни Леннокс до Джеймса Брауна и выдать все до последней эмоции в человеческом репертуаре. И, хотелось бы надеяться, покончить с этим к тому времени, как попаду в Вайоминг.

И конечно же орать во всю глотку при Джейке я не буду. Так не поют при чужих. Или при друге брата. Я искоса глянула на него. Вот уж точно я не подписывалась крутить баранку тысячу и одну милю в тишине, без песен, пока этот мальчишка играет в видеоигры у себя в смартфоне.

Но ничего не поделаешь. Жизнь никогда не дает тебе именно того, что хочешь. Впрочем, это не отменяло того факта, что пора выдвигаться. Мы пристегнулись, и я осторожно вывела машину на улицу.

– Ну, – сказала я, когда мы влились в поток автомобилей. – До Эванстона тысяча одна миля.

– Одна тысяча и одна?

– Примерно, – кивнула я. – Если верить Гуглу, пятнадцать часов двадцать две минуты. – Я глянула на часы на приборной панели. – А поскольку – спасибо Дункану – уже одиннадцать минут десятого, то к ужину мы не успеем. В дом бабушки мы попадем…

– После полуночи, – закончил за меня Джейк.

– Ну да, – откликнулась я со вздохом.

Может, надо позвонить Бабуле Джи-Джи и сказать, чтобы ложилась, не дожидаясь нас? Она, конечно, сова, но не в буквальном же смысле полуночница.

– Спорим, мы все-таки доберемся туда к ужину? – сказал Джейк. – Во всяком случае, к позднему.

Я так и видела, как у него в голове шестеренки крутятся.

– Гугл исходит из того, что мы едем со скоростью шестьдесят пять миль в час. Но мы-то поедем на по меньшей мере восьмидесяти или девяноста.

– На семидесяти, – поправила я. – Во всяком случае, на той скорости, какая будет на знаках ограничения.

– Ладно, – согласился он, все еще подсчитывая. – Ты будешь вести с той скоростью, какая указана на знаках, а я с той, какая позволит сделать в сумме восемьдесят. – Обернувшись, он посмотрел, что там на заднем сиденье. – Ага. Дункан предсказал, что ты прихватишь сумку-холодильник, чтобы перекусить в дороге.

У меня возникло ощущение, что меня дразнят, но я была не вполне уверена, из-за чего именно.

– Значит, не надо останавливаться поесть, – продолжал он, – то есть сколько-то времени мы выиграем. – Запрокинув голову, он уставился в потолок, подсчитывая. – Восемьдесят миль в час, тысяча – и одна – миля. Скорее часов двенадцать. Ух ты! Меньше. Если мочиться в бутылку.

– Девчонки не могут мочиться в бутылку, – возразила я.

Он глянул на меня искоса:

– Спорим, ты смогла бы. Если бы попробовала.

Это что, комплимент или оскорбление? Я покачала головой:

– Вот тут-то я провожу черту. На моменте мочеиспускания в бутылку.

Кивком он признал свое поражение:

– Наверное, самое удачное место для черты.

– Но в остальном план мне нравится, – сказала я, чуть заметно пожимая плечами и осознавая, что это правда.

Вид у него стал исключительно довольный:

– Спасибо.

Ну да, у него настрой – мол, ему все по плечу. Ну да, он принес мне капучино. Ну да, он готов мочиться в бутылку, лишь бы я попала к бабушке вовремя. А еще приходилось признать, что утренний солнечный свет вокруг нас был настойчиво радостным. Может, в конце концов поездка будет не такая уж скверная. Взяв из подставки стаканчик с кофе, я сделала глоток, как раз когда Джейк решил опять завести беседу:

– Ну и как жизнь без этого твоего придурка-бывшего?

Предсказуемый результат: я поперхнулась кофе так отчаянно, что Джейку пришлось одной рукой схватить стаканчик, а другой – руль.

– Извини, – сказал он, когда руль снова очутился у меня в руках. – Болезненная, наверное, тема.

– Нет, – возразила я с вызовом, протирая глаза. – Никакая она не болезненная.

Здесь, чтобы подчеркнуть мою мысль, я прибегла к любимому тону всех учителей – тону Мэри Поппинс. Этот тон подразумевает, что для любой проблемы найдется решение, что мир в конечном итоге устроен идеально, спокойно и разумно и что, если во всех ситуациях класть в чай нужное количество сахара, однажды полетишь над Лондоном, держась за ручку зонтика. Про мой неудачный брак я вообще всегда говорю тоном Мэри Поппинс, и сейчас я даже села прямее, чтобы получилось, как надо.

– Парень, за которого меня угораздило выйти, – продолжала я, так усиленно изображая Джулию Эндрюс, что едва не скатилась в британский акцент, – со временем превратился в настоящего алкоголика. Когда его проблема начала сказываться на нашем браке, я дала ему несколько шансов взять себя в руки. К несчастью для всех, он просто не сумел.

В заключение я отпила еще глоток кофе, словно говоря: «Конец истории! А теперь можно насладиться восхитительным горячим кофе».

– Ну и ты с ним развелась, – не унимался Джейк.

– Ну и я с ним развелась, – подтвердила я. А про себя добавила: «После того как я потеряла ребенка на тринадцатой неделе беременности. А мужа не было рядом».

– Год назад, – добавил он, точно давал понять, будто в курсе всех деталей.

– Год назад, – подтвердила я. Почти день в день. И теперь я в порядке. Вроде как.

– И как живется? – спросил Джейк.

– В смысле?

– Одной.

– Отлично. Замечательно.

Но едва ли мое состояние можно было бы назвать столь очаровательным выражением «одна». Я была одинока.

– Ты в порядке? – Он нахмурился.

– Я всегда в порядке.

– Никто не бывает всегда в порядке.

– А я бываю, – заявила я.

Абсолютно бессмысленный разговор. Разумеется, я не в порядке – ни «всегда», ни – в последнее время – «часто». Но даже если бы мне хотелось обсуждать, как и почему именно

я в этом году без конца чувствовала себя сломленной, – а я, мать вашу, не сломлена! – бармен Джейк, изобретатель «запретного напитка любви» – последний человек на свете, с которым я стала бы это делать.

Я чувствовала, как он шарит глазами по моему лицу. Я села еще прямее. Я прикинула, под каким углом был бы поднят подбородок Джулии Эндрюс, и задрала свой в ту самую точку.

– Ладно, – сказал он наконец. Мой жест явно его не убедил, но он решил, что лучше оставить тему. – Как скажешь.

– Так и скажу.

– Я ведь задавался вопросом, не решила ли ты с собой покончить.

Я опять поперхнулась.

– Покончить с собой?

– О чем ты вообще думала? Когда записалась на программу «ГТВ»?

Я встряхнула головой.

– Не знаю. Вероятно, о том же самом, что и ты.

– Ты не могла думать о том же, что и я, – заявил он, точно сама идея – курам на смех.

Это я ему спустила с рук.

– Я решила бросить себе вызов. Хочу сделать что-то по-настоящему трудное. Хочу раздвинуть границы моих возможностей.

– Или, может, просто себя прикончить.

Я посмотрела на него недоуменно.

– Да не собираюсь я с собой кончать.

– Люди то и дело в таких походах погибают.

– Нет, не погибают.

– Изо всех походов, какие можно было выбрать, ты выбрала самый ужасающий, самый экстремальный, самый смертельно опасный. Зачем, скажи на милость?

– Дункан предложил.

– Дункан предложил пойти в какой-нибудь поход. Не в этот поход.

– Он показал мне каталог.

– Ты никогда не делаешь ничего, что предлагает Дункан. – Джейк покачал головой. – С чего вдруг теперь?

Чистая правда. Но тот факт, что поход предложил Дункан, к делу не относится. Меня зацепила идея в статье из журнала «Пипл», на которую я наткнулась несколько бессонных ночей спустя. Там говорилось о парне, который потерял ногу в Афганистане и сумел – метафорически – встать на ноги после этого самого похода. Всего на одной ноге он прошел этот поход, и притом настолько хорошо, чтобы удостоиться их ценного Сертификата, какой дают только трем лучшим участникам. Статья еще много дней крутилась у меня в голове. «Я был потерян, – сказал тот парень, – но там я обрел себя».

Я потеряна? Строго говоря, нет. Но я потеряла что-то, чего не могла даже сформулировать, и слишком долго не могла это найти. Ждет ли оно меня в лесах Вайоминга? Вероятно, нет. Но с чего-то же надо начинать.

Совершенно очевидно, Дункан тоже считал, будто я никогда не делаю ничего, что он предлагает. Когда я сказала ему, что записалась в программу, он поперхнулся лимонадом и попытался меня отговорить, утверждая, что подобная авантюра не для таких, как я. Его послушать, это довольно экстремальное занятие, а еще … ну… вроде как фальшивка. Привлекает худших из худших. По утверждению Дункана, настоящие хардкорные ходоки знают, что делают, и сами организуют свои походы А «ГТВ» – для хардкорных подражателей. Для тех, кто не хочет изучать местность, или покупать правильную экипировку, или взаправду тратить время, чтобы разобраться, во что ввязались, – они просто хотят записаться и пойти. И все потому, что они не просто сорвиголовы, а ленивые сорвиголовы.

Я глянула на Джейка:

– Ты тоже записался.

– Я с трех лет ходил в походы с отцом. У меня уйма опыта. Плюс хорошая координация.

– А у меня, по-твоему, плохая?

Он склонил голову набок. Да. Именно это он и хотел сказать. И он не ошибался.

– Я тоже была в походе, – сказала я наконец.

– Когда? – вскинулся он.

– В старших классах мы с бойфрендом ездили в Колорадо.

– Это не поход. Это – ночевка на природе. Держу пари, вы ели белый хлеб с «нутеллой».

– А вот и нет! – возмутилась я. – Мы ели вяленую говядину. И сухие галеты.

– Суть в том, – не унимался Джейк, – что тебе этот поход не по зубам.

– Мою заявку приняли. Меня взяли.

– Потому что им наплевать, погибнешь ты или нет.

По правде говоря, в походах по этой программе несколько человек погибло – или по крайней мере покалечилось. Дункан погуглил их в надежде убедить меня записаться вместо этого похода в программу «Пешего туризма» или во что-то еще более нормальное и разумное. Но я не хотела ничего нормального и разумного. Я хотела сумасбродного и неблагоразумного. Мне хотелось поразить всех, включая себя саму. Моя собственная шоковая терапия.

– У них теперь новая администрация, – сказала я.

– А по-моему, им нравится, что у них люди гибнут, – сказал Джейк. – Эти ребята заняли нишу хардкорных подражателей, и явная угроза жизни участников только увеличивает привлекательность «ГТВ». Для сумасшедших.

Это про меня? Возможно.

Я подписала с пятьдесят разных отказных документов, где говорилось, что «ГТВ» не несет ответственности за возникновение какой-либо ситуации с возможной угрозой для жизни, в какую я могу там попасть, включая нападение медведя, лавины, гипотермию и диарею со смертельным исходом.

По логике, все в этой программе должно было меня оттолкнуть. «ГТВ» был печально известен тем, что выбирал самые крутые склоны, самые каменистые тропы и самые отдаленные и глухие места любого национального парка. Наберите в Гугле «ГТВ», и вам выпадут десятки статей про сломанные ключицы, оползни, нападения медведей, пропавших путешественников и гипотермию. Вот как авторы программы стали святыми покровителями психов, искателей острых ощущений и тех, кому больше нечего терять. Стоит ли говорить, что ко мне все это не относилось. Господи боже, я же учительница в начальной школе!

Я ушам своим не верила, слыша этот тон Джейка.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты-то тут при чем?

– Да вроде как при всем. Раз уж я тоже в поход иду.

– Я тебя об этом не просила!

Он заткнулся и отвел взгляд.

– Я намерена получить Сертификат.

– Думаешь, попадешь в этом походе в тройку лучших? – спросил он, а его тон подразумевал: «Ты серьезно?»

– Да.

– А вот я сомневаюсь. Думаю, тебе повезет, если вообще выживешь.

– Это потому что ты видишь перед собой старую версию меня. Вот это, – я похлопала себя по затылку, – прошлая версия меня. А вот та, какой я собираюсь стать – совсем другое дело. На нее ты не посмеешь смотреть свысока. Она глаза тебе выцарапает и своей собаке скормит.

– Жду не дождусь, когда с ней познакомлюсь.

– Она тебе жизнь покалечит, приятель.

– Не сомневаюсь.

И, несмотря на бессовестную насмешку, в его голос вкралась тихая хрипотца. Такая, что мне невольно пришло в голову – а вдруг он взаправду думает, что новая я на такое способна.

Глава 3

Выбираясь на окраины, мы приумолкли. Джейк читал свою книгу про китов и дал мне сосредоточиться на том, чтобы преодолеть эстакады и объездные пути, которые в Бостоне настолько запутаны, что мой бывший муж Майк любил шутить – мол, их прокладывали хорьки.

Бывший муж. У меня ушла уйма времени, чтобы свыкнуться с коротким словом «муж», а на прилагательное «бывший» потребовалось еще дольше. При мысли о нем в груди у меня привычно защемило: точно все горести прошлого года по-прежнему со мной, словно все схлопывается – моя личная межгалактическая черная дыра.

Майк. Он стоял за этим сумасшедшим походом, хотя бежала я не столько от него, сколько от человека, каким стала после нашего брака. За прошлый год я встречала десятки женщин, которые клялись, мол, развод – это лучшее, что с ними случалось. Пришла пора, давно пришла пора стать одной из таких женщин. Мне нужно сделать что-то дикое, ошеломляющее, хотя я до сих пор не понимаю, как я решилась на программу выживания в дикой местности.

Задним числом все кажется слишком уж буквальным.

Но я сама выбрала такое лекарство и намеревалась, черт бы меня побрал, сделать все как следует.

Я прокрутила в голове список моих целей на ближайшие несколько недель. Я и в самом деле потрудилась записать их на листке из старого блокнота. Самым аккуратным и мелким почерком я написала: «В дикой местности я планирую», а ниже составила список с оптимистичными квадратиками, чтобы ставить в них галочки:

☐ Обрести глубокую духовную связь с природой
☐ Раздвинуть границы своих физических и эмоциональных возможностей
☐ Восстать из пепла как феникс
☐ Чертовски закалиться
☐ Стать потрясающей
☐ Надрать зад этой вашей «дикой местности»
☐ Заслужить чертов Сертификат.

Я правда очень хотела получить Сертификат.

Я правда очень хотела стать человеком, который смеет хотеть получить Сертификат и не казаться при этом бесконечно нелепым.

Я правда очень хотела получить клочок бумаги, который наконец доказал бы, что у меня все хорошо.

Мне просто хотелось проявить себя. Проявить себя компетентной. И крутой. И в конечном итоге стать кем угодно, но не самой собой. Я устала, что я вечно в раздрызганных чувствах. Я устала быть растоптанным цветочком. Мне хотелось быть потрясающей. Разве я о многом прошу?

Послав заявку, я первым делом решила составить список целей и перетрясла несколько коробок в подвале, пока не нашла идеально подходящую бумагу: листки из блокнота со времен колледжа, где сверху было вытеснено «ХЕЛЕН КАРПЕНТЕР». На данный момент лучшим в разводе было то, что я вернула себе прежнюю фамилию. Потому что знаете, какая была у Майка?

Тягомот. Ладно, изначально, в старосветском варианте она звучала как Тяг-О'Мот. Но даже носители этой фамилии сдались и перестали пытаться поправлять людей.

Удивительно, что я вообще согласилась взять такую фамилию. Так легко было бы остаться Карпентер. Но Майк хотел, чтобы у нас была одна фамилия, мол, иначе это будет не настоящая семья. А я, честное слово, хотела создать с ним семью. Разве это не разумное

решение, когда начинаешь жить с кем-то? Пытаешься ему угодить и чертовски надеешься, что он попытается угодить в ответ?

Дункан постоянно дразнил меня фамилией. Я закатывала глаза, но без толку было отрицать, что это шаг вниз. Как говорящие имя и фамилия Хелен Тягомот звучали просто ужасно. Я пыталась воспринимать это как вызов лично мне: необходимость всеми возможными способами доказать, что я не тягомотная. В конечном итоге я потерпела неудачу: Хелен Тягомот обернулась жиденькой версией Хелен Карпентер. Хотя едва ли виновата фамилия. Нужно гораздо больше, чем фамилия, чтобы позволить себе упасть так низко.

Поэтому и список, и бумага, на которой он был написан, казались мне своего рода поворотным моментом, хотя в последнюю минуту я и отрезала верхушку страницы с именем – ради анонимности. Одежды с карманами у меня не нашлось, поэтому я хранила список сложенным в лифчике, упиваясь и шершавостью бумаги, натиравшей кожу там, где она нежнее всего, и смутной шаловливостью, что использую нижнее белье как карман. Вот так, друзья, я и отправилась в дикие леса: с памятью о женщине, которой некогда была, и простым списком целей для бросающей вызов смерти супергероини, которой планировала стать, списком, сложенным вчетверо и заткнутым в чашку третьего размера.

В этот момент, будь я в машине одна, как и планировалось, я сунула бы руку за воротник, чтобы вытащить листок – хотя бы ради удовольствия его созерцать. Но я была не одна. И где-то под Фрэмингхэмом человек, мешавший мне быть одной, дочитал свою книжку, захлопнул ее и решил опять поболтать.

– Кстати, мне понравилась улыбка, которой ты мне тогда улыбнулась, – ни с того ни с сего заявил он.

Я вздрогнула от удивления при звуке чужого голоса.

– Какая еще улыбка?

Он махнул за спину на город.

– Ну… там… Ты мне там улыбнулась.

– Разве? – переспросила я. – Вот уж не собиралась.

– Знаю. От этого она еще лучше.

– Ладно.

– А больше я, по-твоему, не получу? – спросил он. – Она ведь как солнышко была. – Он явно что-то задумал. – Ну я просто так говорю. Тебе надо больше улыбаться.

– Я все время улыбаюсь, – сказала я без улыбки. – Я постоянно улыбаюсь. С того момента, как просыпаюсь, и до того, как ложусь спать. Иногда у меня щеки сводит, так много я улыбаюсь.

Он уловил шутку, но не понял – вдруг я отчасти всерьез.

– Я на пальцах одной руки могу сосчитать, сколько раз я видел, чтобы ты улыбалась, – сказал он. – Включая вечер твоей свадьбы.

– Ты меня только рядом с Дунканом видел, – сказала я. – А он выводит меня из себя.

– Вот уж точно, – согласился он. – Ты – самая злющая старшая сестра, какую я только знаю.

– Я не злющая, – возразила я. – Обычно я милая.

– Как скажешь.

– Я же спасла Пикл, так? И я пропускаю машины на дороге. И на спектаклях я всегда очень громко хлопаю.

– Это ты называешь милым? Хлопать на спектаклях?

– Я не только в этом милая.

– А как насчет Дункана? – спросил он. – С ним ты в чем милая?

Как мы дошли от молчания до такой темы?

– Хочешь со мной поругаться?

– Нет, просто веду разговор.

– Десять минут назад ты никаких разговоров не вел.

– Десять минут назад я еще книжку не дочитал.

Я глянула на закрытую книгу у него на коленке.

– А другой у тебя нет?

– Нет.

– Так, значит, я должна говорить про Дункана, потому что тебе нечего читать?

– До Эванстона далеко ехать.

– И из-за тебя короче путь не становится.

– Просто я подумал, что тема неисчерпаемая.

– Да нет уж, тема весьма скудная.

Он склонил голову набок, словно говоря – мы оба знаем, что это неправда.

– Это из-за того, что случилось в вашей семье?

Меня пронзил испуг. Он знает? Я посмотрела на него искоса.

– Ты о чем?

Он задумчиво смотрел на меня, словно не знал, как сформулировать.

– О трагедии, – сказал он, наконец.

Трагедия. Выходит, он знает о нашей семейной трагедии. Ну, конечно же знает. Он же лучший друг Дункана.

– Ну и что там с нашей семейной трагедией? – спросила я.

– Из-за нее ты не любишь Дункана.

Этой репликой Джейк вторгся в запретную область.

– Я люблю Дункана! – рявкнула я. – И я не собираюсь обсуждать с тобой нашу семейную трагедию.

– Почему?

– Потому что я ни с кем ее не обсуждаю.

– Может, следовало бы. – Он беззаботно пожал плечами.

Я постаралась, чтобы мой голос не прозвучал раздраженно.

– Ты что, психотерапевт?

– Нет, – откликнулся Джейк. – Но сама идея недурна. – Он на минуту над ней задумался. Потом ринулся головой в омут. – Ну и что там у вас, ребята, приключилось?

Я вздохнула. Если выбирать между Дунканом и Трагедией, Дункан – в плане светского трепа – без сомнения, наименьшее из зол.

– Да то, что Дункан – заноза в заднице.

– Согласен.

– И выводит меня из себя. А тебя он из себя не выводит? То, как он вечно теряет ключи? То, как никогда и нигде не появляется вовремя? Не заканчивает ничего, что начал? Не держит обещаний?

– Сплошь не самые сильные его стороны, – сказал Джейк. – Ты права.

– Но вы же лучшие друзья уже пять лет.

– Шесть.

– Почему?

Джейк задумался.

– У него есть хорошие качества.

Конечно, я знала, что есть, но в тот момент просто не могла вспомнить какие.

– Например?

– Например, он самый забавный человек из всех, кого я когда-либо встречал.

Я нахмурилась. В Дункане не было ничего забавного.

– Не может быть, – сказала я вслух.

Джейк пожал плечами.

– Иногда он так меня смешит, что ланч лезет у меня из носа. Однажды это была полноразмерная макаронина.

Я постаралась отмахнуться от этого образа, чтобы порыться в памяти, нет ли случая, чтобы Дункан хотя бы раз меня рассмешил.

– Меня Дункан никогда не смешит.

– Это потому, что ты вечно на него злишься.

– Неправда! Я уйму раз на него не злилась. Если уж на то пошло, я большую часть времени на него не злюсь.

– То есть пока его нет поблизости.

Тут он меня подловил:

– Справедливо.

Джейк улыбнулся. Опять эти ямочки.

– Но ты, похоже, с ним отлично ладишь, – сказала я, уводя разговор в сторону.

Он пожал плечами:

– У меня нет ни братьев, ни сестер.

– Поэтому ты выбрал Дункана?

– На самом деле это он меня выбрал.

Я не знала.

– Он взял меня на слабо, – продолжал Джейк. – Он предложил поспорить, что я не смогу бросить шарик для пинг-понга о стену спортзала и поймать его ртом.

– И ты купился?

– Купился.

– И поймал?

– Поймал.

– Вот так вы стали друзьями? На спор?

Он кивнул:

– Ну да. Никогда не могу устоять, когда меня берут на слабо. К тому же он предложил научить меня жонглировать.

– Я и не знала, что Дункан умеет жонглировать.

– Не умеет. Но к тому времени, когда до меня дошло, было слишком поздно. Мы уже подружились.

– Братство с первого взгляда, – сказала, лишь бы посмотреть, выведет ли это его из себя.

Он кивнул:

– Самой высшей пробы.

– И Дункан хороший друг?

– Самый лучший. Всегда меня защищает.

Трудно вообразить, что Джейк нуждается в защите.

– От чего?

– Главным образом от меня самого. – Он кривовато улыбнулся.

– А ты от чего Дункана защищаешь?

Джейк нахмурился:

– От смерти, наверное.

Я поперхнулась:

– От смерти?

– Ну сама знаешь, – помахал он рукой в воздухе. – Ему взбредает в голову мысль спрыгнуть с крыши в три утра, а я говорю – это, возможно, не самая лучшая идея. Или он решает бросить спичку в коробку с шутихами, чтобы посмотреть, что получится. Или смотреть в фонарик, пока не начнется судорога. В таком духе.

– Теперь понятно. А я-то всегда считала, это были твои идеи.

– Нет. Это – весь Большой Д.

– То есть ты у нас правильный.

Джейк задумался.

– Если речь о том, как не убиться, то наверное, да, правильный.

– Но ты не всегда правильный?

– Наверное, мы бываем правильными по очереди.

Он был таким серьезным. Так вдумчиво ко всему подходил. Он ничуть не соответствовал моим представлениям о нем, – если бы мне пришло в голову его себе представлять.

– Итак, Дункан привносит в ваши отношения убийственные авантюры… – начала я.

Джейк кивнул:

– Это – его конек.

– А твой какой?

Он пожал плечами:

– Все остальное. Флиртовать с девочками. Танцевать свинг. Говорить с акцентом.

– Почему ты должен говорить с акцентом?

– Не должен. Просто это прикольно.

Я так мало знала про Джейка, что почти все сказанное им меня удивляло. Он способен говорить с акцентом? Он умеет танцевать свинг? Умеет флиртовать с девочками? Кто бы мог подумать?

Сама о том не подозревая, я переключилась на формат вопросов и ответов, засыпая его вопросами, точно в телепередаче. Отчасти это была наступательная тактика, чтобы отвлечь его внимание от меня самой. Но, надо признаться, мне вдруг стало любопытно. Пока мы неспешно катили на запад по I-90, я собрала целый мешок небольших сведений о Джейке. Например, что у него аллергия на миндаль и орехи пекан, а на арахис – нет. Что в колледже он получил два диплома – по английскому языку и азам медицины, а дипломную работу писал по Натаниэлю Готорну. Он только что поступил на медицинский, но решил его бросить и посмотреть мир… начиная с сего момента. С Вайоминга. Оттуда поедет в Баху гладить китов. А после его ожидают пещеры под ледником Джуно. Туманные горы Тяньзци в Китае. Заброшенные шахты в Корнуолле. Шварцвальд. Тадж-Махал. Северное сияние. Необязательно в таком порядке.

– Устроил себе каникулы на год? – спросила я. – Перед медицинским вузом?

– На самом деле я туда просто не пойду.

– Что значит «не пойду»?

– Вообще не пойду.

Ну вот, пожалуйста, он снова меня удивил.

– Ты поступил в вуз, который себе выбрал, и в него не идешь? Вообще?

– Именно.

– Но почему, скажи на милость?

Он уставился за окно:

– Похоже, он мне не слишком подходит.

Самый расплывчатый ответ, какой я от него за весь день слышала.

– Ты годами учился на подготовительном, ты сдал тесты MCAT на поступление в медицинский, ты послал документы, и тебя приняли… А теперь ты вдруг решил, что тебе не слишком подходит?

– Вроде того, – ответил он, словно и делу конец.

– Но что изменилось?

– Я изменился.

Я была готова поднажать еще. Путь до Эванстоуна, как он сам сказал, долгий, и если ему можно заставлять меня говорить о Дункане, то я буду счастлива надавить и заставить его

говорить, о чем пожелаю. Но он, вероятно, действительно хотел сменить тему, потому что не успела я задать очередной вопрос, он устроил диверсию.

– А знаешь что? – сказал он. – Мне нужно по-маленькому.

И не успела я оглянуться, как он опустил окно и вылил оставшуюся в бутылке воду. В окно с ревом ворвался ветер.

– Что ты делаешь? – крикнула я.

– Бутылку опорожняю! – крикнул он в ответ.

– Ты в нее мочиться не будешь!

– Еще как буду!

– Нет, нет! Вон там есть съезд!

– Да это круто! У меня охрененная меткость!

– Ничего это не круто!

– Но меня и бутылка устроит!

– А меня совсем нет!

Бутылка опустела, и он снова поднял стекло. В машине вдруг показалось слишком тихо.

– Я книжкой прикроюсь, – сказал он в тишине. – Ты даже не увидишь.

– Перестань! Не расстегивай ни пуговиц, ни молнии, даже не думай о штанах. Мы съезжаем на обочину!

Он замотал головой:

– Это пустая трата времени.

– А знаешь что? – сказала я и, в сущности, была недалека от истины. – Мне тоже надо по-маленькому. А еще нужно заправиться, поэтому мы все равно остановимся.

– Ну, – протянул он, убирая руки с верхней пуговицы штанов. – Наверное, в этом есть смысл.

Я рванула на съезд, даже не включив поворотник. Вот в этом-то, напомнила я себе, и проблема. Этот парень не просто двадцатилетка, это младенец и даже к горшку не приучен. На минуту я забыла, с кем я имею дело. Разговорчики про Натаниэля Готорна и медицинский вуз заслонили от меня существенные факты: передо мной мальчишка, которого мне не понять. Он обожает моего ужасного брата. Он безо всякой очевидной причины бросил медицинский вуз. Он собирался расстегнуть штаны и помочиться в бутылку из-под «Эвиан». На пассажирском сиденье моей «Субару».

Со съезда я свернула направо, потом еще раз направо и остановилась у колонок автозаправки.

– Когда я говорила, что провожу черту относительно бутылок, то имела в виду нас обоих, – сказала я, рывком ставя машину на ручной тормоз и повернувшись, чтобы встретиться с ним взглядом. – Если хочешь, чтоб мы поладили, – добавила я, – не снимай штаны.

Он подавил улыбку, словно я была ужасно забавной.

– Усек? – спросила я, поддавшись импульсу постучать его по лбу.

– Усек, – ответил он и расплылся в улыбке. – Клянусь не снимать штанов. – Он отдал мне честь. – Если только не прикажешь иного.

Глава 4

Вопреки всем ожиданиям, мы успели к Бабуле Джи-Джи до девяти.

Джейк не хотел ехать в темноте (причина, как-то связанная с его новыми очками), поэтому после заправки взял на себя оставшиеся дневные смены и мерно шел на скорости девяноста миль в час. К тому времени, когда солнце село и я сбросила скорость до шестидесяти пяти, мы существенно обгоняли расписание. Мы так обрадовались, что даже в ладоши хлопнули по прибытии. Если честно – так уж получилось, – мы обнялись.

Но когда мы постучали в дверь Бабули Джи-Джи, нам никто не ответил. Мне пришлось идти искать в саду запасной ключ. А когда мы вошли, вместо бабушки с белоснежными волосами, бабушки в красном кимоно, бабушки со стаканом «Пино Нуар» в руке и с кольцом-стрекозой, мы нашли на кухонном столе записку:

> «Дункан сказал, вы поздно выехали и не успеете к ужину. Я ушла в книжный клуб. Ложитесь спать, не дожидаясь меня!
> *Целую, Джи-Джи*
>
> P. S. Хелен, взъерошь милому мальчику волосы за меня».

Джейк прочитал записку через мое плечо.

– Я же говорил, она любит меня, – заметил он.

– Я не собираюсь ерошить тебе волосы, – сказала я.

– А я наябедничаю.

– Они у тебя сами собой растрепываются, – возразила я. – Я тут без надобности.

Ужин – спагетти болоньезе – стоял в теплой духовке. На столе ждала бутылка вина.

– Роскошное вино, – сказал Джейк, изучив этикетку.

– Я слишком устала, чтобы пить.

– Только не для этого.

Закатив на эту реплику глаза, я плюхнулась на кухонный стул.

– Что ты вообще понимаешь в вине?

– А вот и понимаю. Я уроки брал.

Я недоуменно нахмурилась.

– Зачем?

Но тут я и сама догадалась, и, когда он раскрыл рот, я ответила тоже, так что мы произнесли хором:

– Чтобы кадрить девчонок.

– Вот именно, – сказал он. – По этой же причине я научился жонглировать. И брал уроки свинга. И прочел «Миф о красоте» [1].

– Ты читал «Миф о красоте», чтобы кадрить девочек?

– Ну да.

Я прикрыла рукой глаза:

– Ты использовал «Миф о красоте» во зло?

– Не во зло, – ответил он, поднимая на меня взгляд. – Ради благих целей. Ради уймы благих целей.

– Я ложусь спать, – сказала я.

– А вот и нет, – возразил он. – Мы будем ужинать.

---

[1] Книга видной представительницы третьей волны феминизма Наоми Вульф, полное название «Миф о красоте: Стереотипы против женщин», основная ее идея заключается в том, что стандарты красоты являются социально обусловленным патриархальным обществом.

И с этими словами он – на манер заправского официанта – ухватил одной рукой стопку тарелок и исчез за дверью во двор. Увидев, что я не последовала за ним, он снова просунул голову на кухню.

– Давай же.

– Ты куда? – спросила я, но он уже исчез.

Минуту спустя он вернулся за вином.

– Устроим пикник, – сказал он и за руку потащил меня через черный ход во двор, а оттуда к старому домику на дереве, который мой дедушка построил, еще когда моя мама была ребенком.

Остановившись у дерева, я задрала голову. Порог был чуть ниже моего плеча, совсем не так высоко, как я помнила, но все равно выше, чем мне хотелось бы карабкаться.

– Я туда не полезу.

Не успела я произнести эти слова, как Джейк наклонился и закинул меня на плечо на манер пожарника. Я даже возмутиться не успела, как он поднял меня и ловко посадил на крылечко. Секунду спустя он приземлился рядом со мной, протянул мне тарелку и бокал вина, точно мы каждый вечер так ужинаем.

– Что-то ты слишком уж бодрый, – сказала я.

– Я люблю этот дом на дереве, – откликнулся он. – Мы с Дунканом когда-то целые уикэнды тут проводили. Здесь я впервые поцеловался.

– Не с Дунканом, надеюсь.

– С Лией Пирсон. Помнишь ее? С рыжей. Я попытался по-французски, а она укусила меня за язык.

– Она уже мне нравится.

Еда была теплая, ночь – прохладная. От свежего воздуха я проснулась. Взяв бокал, я подняла его в тосте.

– За кусачих, – сказала я, мы чокнулись и пригубили.

– За первые поцелуи.

– За чертовски быструю езду.

– За то что разрешаешь занозе в заднице, другу своего младшего брата, ехать с тобой через полстраны.

– Я не против, – сказала я и вдруг осознала, что это правда.

Несколько минут мы помолчали, рассматривая дом Джи-Джи. Это был самый настоящий дом Франка Ллойда Райта в стиле вестерн, который дедушка с бабушкой купили за бесценок, когда в шестидесятых его выставили на рынок под снос. Дедушка, который умер еще до моего рождения, был архитектором, и они с Джи-Джи сохранили дом в изначальном виде, таким, каким он был на момент его постройки в 1912 году, только добавили кое-что современное на кухне и в ванных. Джи-Джи вырастила тут четырех детей, прежде чем взять к себе нас с Дунканом. В нем чувствовалась величавость старого дома, который много всякого повидал на своем веку.

Я давно тут не была и, слушая стрекотанье сверчков, болтала ногами, как ребенок. Взошла луна, на небе показались звезды, из кухонного окна во двор лился теплый свет. Даже до того, как мы переехали сюда насовсем, я часто ночевала у Бабули Джи-Джи, и этот двор хранил практически все связи с детством, какие у меня остались.

– Спасибо, что вытащил меня сюда, – сказала я через некоторое время. – Я совсем забыла про дом на дереве.

– А знаешь, что еще я помню про этот дом?

– Что?

– Тебя, – сказал он. – В твоем окне.

– Отсюда можно заглянуть в мое окно?

– Ага.

– Вы что, ребята, за мной следили?

– Пытались, – кивнул Джейк. – Всякий раз, когда ты приезжала погостить. – Он сделал глоток вина и добавил: – Не Дункан. Только я.

– Почему?

Стемнело уже настолько, что наши лица казались лишь скоплениями теней. Но он все равно всмотрелся в мое.

– Потому что был в тебя влюблен.

– Вот как? Я и не знала.

Он кивнул.

– Без памяти влюблен.

Я покачала головой:

– Но я же была замужем.

– Знаю. Я познакомился с тобой у тебя на свадьбе.

– Помню. Тебя в числе приглашенных не было.

– Дункан привел меня как свою половину.

– Дункан сделал это, чтобы меня взбесить.

– Я потом это узнал.

– Я потом годами на него злилась.

– Ну, на меня это оказало противоположное воздействие.

– Ты о том, что пришел ко мне на свадьбу?

– Это просто очень сильно, – сказал Джейк, – когда впервые видишь женщину, когда на ней шелковое подвенечное платье, фата и подвязки. Особенно если тебе шестнадцать и ты совсем желторотый. И твоя мать всего год как умерла.

– Мне очень жаль, – сказала я.

– Не стоит. Ты разбудила меня в тот день.

– Если бы я знала, была бы с тобой повежливей.

– Ты была достаточно мила.

– Наверное, мне надо было тебя отвадить или еще что.

– С влюбленностью такое не срабатывает.

– Пожалуй, нет.

– А как по-твоему, почему еще я все время пялился на тебя, разинув рот?

– Наверное, я просто решила, что у тебя нос заложен.

– Нет, это паралич влюбленности.

Как-то так вышло, что в бутылке осталось только на донышке. Я подняла бокал с остатками вина в последнем тосте.

– За влюбленность.

– За женщин в свадебных платьях.

– И подростков, которые на них пялятся.

Мы снова чокнулись, и Джейк на лишнюю секунду задержал мой взгляд, прежде чем залпом допить свое вино.

* * *

Вернувшись в мою девчачью комнату, я переоделась в старую ночнушку с Гарфилдом, которую нашла в комоде, и разобрала постель. Подушка выглядела гладкой, прохладной и манящей. Только я забралась в кровать, как в дверь постучал Джейк.

– Уходи, – сказала я. – Я сплю.

Но он все равно приоткрыл дверь и заглянул ко мне.

– Джейк, уже поздно.

– Десять вечера.

– Вот я и говорю.

– Мне просто надо кое о чем тебя спросить, – сказал он, переступая порог.

Он был только что из душа, в штанах от пижамы и без майки. Я отвела глаза от голого юного торса.

– И что же? Я ведь теперь престарелая, а стариков от вина в сон клонит.

– Вопрос в том, не хочешь ли ты сыграть в «Скрэббл»? – Он показал мне дорожный набор для игры в слова.

Подумать только! Моя любимая игра.

– Я слишком устала, чтобы играть в «Скрэббл».

Но Джейк сделал еще шаг и сел на мою кровать. И я ему позволила.

Я села, чувствуя себя нелепо голой, и вообще как-то странно принимать светские визиты без бюстгальтера. Я собрала вокруг себя складками покрывало.

– Зачем ты ее принес?

Он поднял брови:

– На случай, если захочешь сыграть.

Я поймала себя на том, что со вздохом сдаюсь. Что-то в Джейке меня словно бы разбудило.

– Я и в самом деле с радостью поиграю в «Скрэббл».

– И я.

Он положил между нами коробку. Во впадинке на его ключице еще оставалось несколько капелек воды.

– Ты собираешься надеть рубашку? – спросила я.

Он поднял глаза, точно такая мысль не приходила ему в голову.

– А надо?

– Разве тебе не холодно? – спросила я, мой взгляд скользнул к влажным завиткам волос у его шеи.

– Не-а.

– Разве ты не чувствуешь себя голым?

– Не-а.

Я вздохнула:

– Ну, а мне холодно, и я чувствую себя голой только от одного твоего вида.

Это вызвало у него улыбку. Поэтому он оставил меня сидеть с плашками и секунду спустя вернулся в футболке с надписью «ГАРВАРД» спереди.

– Быстро ты, – сказала я.

– Я же не хочу, чтобы тебе было холодно и ты чувствовала себя голой только от одного моего вида. – Он на мгновение встретился со мной взглядом.

Ну вот, опять. Он со мной флиртует. Он что, подначивает меня, не оскорблюсь ли я?

Я решила не обращать внимания.

– Симпатичная футболка, – сказала я наконец.

– Я подумал, она тебя припугнет, – пояснил он, постучав себя по голове.

– Могла бы, если бы ты в самом деле учился в Гарварде.

– Но я в самом деле учился в Гарварде.

Я скорчила гримаску, мол – ну да, как же.

Встретившись со мной взглядом, он кивнул.

– Нет, я правда учился в Гарварде.

Я встряхнула головой:

– Но Дункан-то учился в Бостонском колледже.

– Верно.

– Как же вы могли быть соседями по колледжу, если учились в разных вузах?

Он пожал плечами:

– Жилье вне кампуса.

– Но почему?

Он снова пожал плечами:

– Я пообещал Дункану, что буду его соседом по комнате. А он не попал в Гарвард.

– Ну, конечно, не попал! Он вечно траву курил.

– Верно.

– И ты тоже, между прочим.

Он покачал головой:

– Едва ли.

– Ты не курил? – Я подняла одну бровь, всем своим видом говоря – лжец. – Всякий раз, когда я приезжала домой и ты сидел у него в комнате, из-под его двери дым буквально клубами валил, а курил один Дункан?

Он пожал плечами:

– Я домашку делал.

– Он дурачился, а ты делал домашку?

– Наверное, я заодно с ним слегка покуривал, ну знаешь, пассивное вдыхание. Но я все равно делал домашку.

– Но как ты попал в Гарвард?

Он снова пожал плечами:

– А я правда умный. И целеустремленный. Можно сказать, зацикленный.

Я опустила глаза на свои плашки.

– Ну что, теперь боишься? – спросил он.

– Боюсь чуть меньше, если ты это имеешь в виду.

– Не беспокойтесь. Я буду просто играть как обычный человек.

– Замечательно.

– Мы с Дунканом, когда играем, не допускаем слов, которых нет в «Скрэббл». Только чистый английский. А за слово, относящееся к сексу или за такое, какое можно истолковать в сексуальном смысле, двойные очки.

Рассмеявшись, я протерла глаза.

– Вполне в духе Дункана.

– Да, но это отличное правило, – сказал Джейк. – Поскольку можно зарабатывать очки за стиль игры.

«Очки за стиль» было любимой моей концепцией.

– То есть слово вроде «холмики» получает двойные очки?

– Именно. Идеально. Слово вроде «холмики» так круто, что даже тройные можно получить. – Он склонил голову набок. – Хочешь, так сыграем?

– Я не на одном только умении намерена выиграть, умник.

– А ты собираешься выиграть?

– Да, – сказала я.

– Ты часто выигрываешь?

– Да.

– Так ты в себе уверена? Даже несмотря на мою футболку?

– Выпускники Гарварда не единственные умные люди на свете, – парировала я.

– Пари?

Я посмотрела на него мрачно.

– Нет, серьезно, – сказал он. – Давай на пари?

Я огляделась по сторонам:

– И на что ты хочешь поспорить?

По тому, как он выгнул бровь, я догадалась, что он что-то затевает.

– Например, если я выиграю, ты кое в чем мне поможешь. А если ты выиграешь, я тебе помогу.

– И в чем же? – прищурилась я.

Он с самым невинным видом пожал плечами:

– Да в чем угодно. Каждому бывает нужна помощь.

– Только не мне.

– Готов поспорить, тебе понадобится помощь в походе. Рано или поздно в следующие пару недель.

– И что ты собираешься сделать? – спросила я. – Понесешь меня?

– Возможно, – сказал он. – Если будет нужно. Или завяжу узел, который тебе не дается. Или научу читать карту. Есть уйма приемов выживания, с которыми я мог бы тебе помочь. Ты же зеленый новичок.

– Пытаешься нажиться на моей неопытности.

– Пытаюсь быть полезным.

– А чем, скажи на милость, я могу помочь тебе?

– Ну… – Он сделал глубокий вдох. – На самом деле…

– Что бы оно ни было, – прервала я его, – я этого делать не стану. По твоему лицу вижу, что мне это не понравится.

– Я хочу, чтобы ты научила меня целоваться.

– Что?

– Чтобы ты научила меня целоваться, – повторил он, точно это не самое дурацкое заявление на свете. – Я совсем не умею целоваться. Правда. Мне нужна помощь. Страшно нужна.

Невозможно. Никак не может быть, чтобы настолько симпатичный парень не умел целоваться. Сама мысль казалась нелепой.

– С чего ты взял, – спросила я наконец, – что у меня для этого хватит квалификации?

На это он улыбнулся:

– Еще как хватит. Я же вижу.

Мысль закружилась у меня в голове:

– Ух ты… Нет.

– Почему?

– Потому что это идиотизм. Потому что целоваться не так учатся.

– А как тогда?

– На практике. С женщиной, которая тебе по-настоящему нравится.

– Ты женщина, которая мне по-настоящему нравится.

– Я про подружку, Джейк. Слышал о таком?

– Но суть-то в том, чтобы научиться заранее.

Кое-какая логика в этом была. На секунду я даже с этим согласилась.

– Нет. Решительно нет.

– Ты не хочешь?

– Определенно не хочу.

– Тогда просто выиграй, и тебе не придется.

Он меня подзуживал.

– Выиграй, – повторил он, – и в какой-то момент за следующие три недели, когда ты будешь на последнем издыхании, тебе достаточно будет поднять бровь, и я прибегу и спасу тебя.

Я подчеркнуто медленно покачала головой:

– Подумай только о волдырях, которые натрешь! О сырых носках! Натруженных плечах! Подумай, какой усталой будешь после десяти миль в гору с тяжелым рюкзаком и как жутко тебе не захочется хромать на дно оврага к ледяному ручью за водой.

От этих слов моя голова сама по себе перестала качаться. Мне бы надо было быть умнее и не соглашаться, но я же выпила полбутылки вина в домике на дереве, и мозги у меня не работали как следует. Я кое-что быстренько прикинула. Пожалуй, я смогу его одолеть. В конце концов, что тут трудного, если главным его противником был Дункан?

– Ладно, – услышала я собственный голос. – Принимаю пари. Но только потому, что тебе не выиграть.

И знаете что? Он выиграл.

И он даже не обманывал. Он выиграл исключительно за счет умения и сексуальных намеков.

Я заработала семьдесят четыре очка на красиво поставленном «вздымается», а он разбил меня в пух и прах при помощи «набухшего» и «влажного», не говоря уже о «булавовидном» с утроением очков.

– Шанс отыграться или ничего, – вскинулась я, но он поднял руки над головой и, зевнув, потянулся.

– Поздно уже, – сказал он.

Я посмотрела на него возмущенно.

– Еще одиннадцати нет.

– Да ты в десять едва спать не легла!

– Если бы легла, не попала бы в такой переплет.

Он убрал все плашки в коробку, переставил ее на тумбочку и придвинулся ближе.

– Уговор есть уговор, – сказал он.

Проблема заключалась в том, что он был очень привлекательным. Теперь я не могла взять в толк, как, черт возьми, столько лет этого не замечала. Темные волнистые завитки у шеи. Карие щенячьи глаза. Пухлые губы, какие бывают у студентов. Ровные, совсем недавно избавленные от пластинок зубы. Если отключить ту часть мозга, что заставляла меня при виде его каждый раз закатывать глаза с тех пор, как ему было шестнадцать лет, оставшаяся признала бы, что он кому угодно способен вскружить голову.

Он наклонился. Я застыла. Его лицо придвинулось совсем близко к моему, пристальный взгляд прошелся по моим губам.

Но это же безумие. Что мы делаем? Злющая старшая сестра во мне не могла не встрять. Я положила руку ему на грудь.

– Ладно, – сказала я в равной мере себе, как и ему. – Но только в образовательных целях.

Он кивнул, принимая мои условия.

– И Дункану, кстати, мы ничего говорить не будем, – добавила я, слегка толкая его в грудь, чтобы подчеркнуть свои слова. – Никогда.

– Идет.

Он наклонился снова, но моя рука все еще упиралась ему в грудь, и я его остановила.

– Кто кого будет целовать? – спросила я.

– Теперь ты тянешь время.

– И не думала.

– Если хочешь меня помучить, то на много лет опоздала.

– Я пытаюсь сделать все как надо, – сказала я.

– Я целую тебя, идет?

Он поднял руку и положил ладонь сзади мне на шею, его пальцы запутались у меня в волосах. А потом он вдруг, в ту секунду, когда заглянул мне в глаза, помедлил. Прошла

секунда, за ней другая. Я могла бы поклясться, что он затаил дыхание. Секунды бежали, и я заволновалась, не струсит ли он. И тут я поняла, что не хочу, чтобы он струсил.

– Как-нибудь на этой неделе? – сказала я, чтобы поддразнить его, пока он не потерял самообладания.

– Не терпится, да?

Я скорчила гримаску, мол, да брось, как же. Мне почему-то крайне важно было, чтобы он это ясно понял. Даже при том, что на самом деле мне не терпелось. Этой ключевой информации он не получит – никогда. Женщины не расстаются вот так легко со всей своей властью. Особенно не отдают ее двадцатидвухлетке.

Плюс оставался очевидный факт: никогда не связывайся с друзьями младшего брата. По множеству разных причин. Во-первых, они смотрят на тебя снизу вверх. Они фантазируют о тебе – как раз потому, что ты недоступна. Если бы ты повернулась на сто восемьдесят градусов и сказала бы: «Ладно, давай», они бы опрометью бросились прочь из комнаты. Но ты такого никогда не сделаешь, вообще никогда, и они это знают. Для тебя они в той же самой прыщавой, раздражающей категории, что и твой брат, и такое отношение – часть твоей притягательности. А поскольку ты для них из высшей лиги, это и для твоей самооценки полезно. Все в выигрыше. Пока соблюдаешь правила.

В течение шести лет я никогда в правилах не сомневалась. Джейк прочно оставался в отведенной ему категории. Но теперь, по чистой случайности, после одного-единственного дня он больше в нее не укладывался. Внезапно я уже и не знала, как его классифицировать, и он вовсю использовал это преимущество. Теперь – наперекор всем правилам – он собирается меня поцеловать. И я – наперекор здравому смыслу – собираюсь ему позволить. Это уже серьезное правонарушение. Вот что делало происходящее таким пьянящим. Ну и выпитое вино, конечно. Меня собирается поцеловать лучший друг моего младшего брата. И что самое худшее, я этого хочу.

Он наклонился ближе.

– О’кей, – сказал он. – Поехали.

Его губы теперь почти касались моих. Его дыхание буквально щекотало их.

Я закрыла глаза. Сам воздух у меня в легких, казалось, трепетал.

И тут, за миг до соприкосновения, мы услышали, как хлопнула входная дверь. И голос Джи-Джи напевно позвал:

– Хелен! Ни за что не поверю, что ты уже спишь!

Мы застыли, почти соприкасаясь носами, наши губы разделяло не больше дюйма.

Потом Джейк произнес:

– Джи-Джи вернулась.

– Ты так думаешь?

Едва я это произнесла, в дверь спальни постучали.

Мы отскочили в противоположные концы комнаты и постарались взять себя в руки, а Джи-Джи переступила порог.

На ней был бело-голубой жакет с воротником-стойкой, в собранные на шее в узел волосы были воткнуты палочки для еды. А еще на ней были очки в леопардовой оправе. Мои любимые.

С минуту она смотрела на нас с улыбкой, которая ясно говорила, что она прекрасно знает, чем мы занимались. Или почти знает. Вполне в ее духе было отпустить по этому поводу какое-нибудь замечание, и я почти ждала, что она начнет нас поддразнивать, но она решила применить другую тактику.

– Дорогая моя девочка, – сказала она, подставляя для поцелуя щеку. – Выглядишь восхитительно.

Повернувшись к Джейку, она взъерошила ему волосы.

– Правда, она лакомый кусочек?

Джейк, не глядя на меня, кивнул.

Джи-Джи помедлила, чтобы посмотреть на меня, потом на него, потом снова на меня. В ту секунду у меня было такое ощущение, что она разобралась, что к чему.

– Ну тогда, – сказала она, поворачиваясь к двери, – пойду сварю кофе без кофеина. Приходите, расскажу вам про мой книжный клуб по чтению секс-литературы.

– Вы состоите в клубе секс-литературы? – спросил Джейк.

Остановившись на пороге, Джи-Джи шаловливо нам подмигнула.

– Я – самая молодая участница. В мои-то восемьдесят шесть. Нам надо искать причину оставаться в живых.

Это было настоящим шоком: внезапно очутиться в кухне Джи-Джи и выслушивать ее мнение о скабрезном романе, который они читали – шалости на фоне чосеровской Англии.

Мы с Джейком решительно сели по разные стороны кухонного стола, а Джи-Джи принялась перечислять преимущества и недостатки:

– Не поймите меня неправильно, я руками и ногами за секс. В моем возрасте берешь, что дают.

Джейк и я просто кивнули.

– И я готова простить отсутствие исторической точности при описании оргии под Майским деревом.

Мы с Джейком искоса переглянулись.

– Но где развитие характеров персонажей?

– Вот что тебя смущает? – спросила я. – Нет развития характеров персонажей?

Джи-Джи кивнула.

– Ну и еще кое-что. Конечно, меня можно счесть очень старомодной, но я не в восторге от кнутов и кожаных передников.

– Ваш книжный клуб читает садомазохистский роман? – спросила я.

– В чосеровском духе? – удивленно добавил Джейк.

Джи-Джи кивнула.

– Именно я его выбрала! Признаю, мне было любопытно. Но теперь, когда я прочитала его, я чувствую себя занудой. Просто мне кажется, что в мире и без того достаточно боли и слишком уж мало удовольствия. Наверное, когда у тебя камни в почках, поливание сосков расплавленным воском кажется гораздо менее привлекательным.

В конечном итоге она изложила нам весь сюжет целиком – не могу сказать, что он был слишком уж захватывающим. Особенно странно было слышать слова «кляп» и «бондаж» из уст моей утонченной бабушки. Незаметно подкралась полночь. Джи-Джи оставила нас в коридоре, направившись в хозяйскую спальню со словами:

– Не будите меня утром. Я собираюсь спать допоздна.

Джейк последовал за мной до двери моей спальни – мимо двери комнаты Дункана, где ему предстояло спать. Взявшись за дверную ручку, я помедлила. Что-то в этом мгновении – невзирая на излишнюю близость за этот проведенный вместе день – меня взволновало. Точно он проводил меня домой после свидания.

Я ожидала, что он скажет что-нибудь дерзкое, например «Ты все еще должна мне поцелуй», но нет. Он едва заметно подался ко мне, словно ему хотелось что-то сказать, но промолчал. У меня было такое ощущение, что я на грани поцелуев – то есть если бы я захотела, он бы меня поцеловал. Но у меня было время подумать и понять, что это, пожалуй, не самая удачная мысль. А без какого-либо поощрения с моей стороны у него не хватало смелости. Я была и оставалась тут взрослой. Особенно в доме Джи-Джи, где мы так долго играли роли недотроги и нетронутого, он не мог решиться на тот или иной шаг.

Поэтому я решила за него.

Я протянула ему для пожатия руку.

– Спокойной ночи, – сказала я.

Он перевел взгляд с моей руки на лицо:

– Правда?

Я пожала плечами.

Он взял мою руку, но не пожал ее, а просто задержал на секунду, повернул боком, словно чтобы рассмотреть. Я затаила дыхание.

Когда он ее отпустил, мне пришлось сказать что-то, чтобы скрыть волнение.

– Поставишь будильник Дункана на пять? – попросила я. – Мой сломался.

– На пять утра?

– Завтра долгий день.

Он не стал спорить.

– Ладно, – сказал он. – На пять, так на пять.

Потом он повернулся и ушел, чтобы лечь спать в спальне моего брата, которая выглядела в точности так же, как всегда. Плакаты с грудастыми подавальщицами пива все еще висели по стенам, большую часть стола все еще занимала коллекция крышек, а у окна все еще стоял террариум с засохшими растениями. Вот где Джейк провел большую часть старших классов. Это здесь парочка пыталась соорудить гильотину из палочек от леденцов, делала гипсовые слепки ног и писала собственную видеоигру про каннибалов под названием «ПироМир». Они пытались разводить дождевой лес в шкафу Дункана и проводили бесконечные эксперименты с сухим льдом. Ах да, и нельзя забывать, как целое лето они провели за попытками построить рабочую точную копию робота «Ар2Д3» из «Звездных войн» – из мусорного ведра, разобранной газонокосилки и старого компьютера.

Глядя, как Джейк переступает порог, я вспомнила, кто передо мной. Прежний Джейк вернулся и почти стер из памяти мужчину, которому я едва не позволила меня поцеловать. Дверь со щелчком закрылась, и я отвернулась с ощущением, что едва-едва избежала катастрофы. Вот тогда-то я и закрыла дверь моей спальни на задвижку. Давайте не усложнять. Я буду спать у себя, а Джейк – в комнате Дункана. Там, где ему и место.

Глава 5

Мы пяти минут не проехали, как Джейк сказал:

– Наверное, нам надо поговорить о вчерашнем.

– Ой! – Я обеими руками вцепилась в рулевое колесо. – Надо ли?

– Давай обсудим.

– А давай без давай.

– Просто я должен сказать, что не буду настаивать на обещании.

Это привлекло мое внимание.

– Не будешь?

– Не буду. Пари отменяется.

– Отлично, – сказала я, испытывая странное разочарование. – Хорошо.

– Отлично, – согласился он. – Тогда не о чем говорить.

– Так, собственно, и есть. Не о чем говорить.

После мы говорили вот о чем: о пончиках, «Криминальном чтиве», самых лучших празднованиях дня рождения, какие у нас были, о скрытых талантах, о летающих тарелках, о путешествиях во времени, о том, изначально ли привлекает политика негодяев или по ходу дела превращает в негодяев нормальных людей, о странах, где нам хотелось бы побывать, о том, дышат ли киты, когда спят в океане, о детских страхах, о том, как готовить энчиладос, о том, кто лучше, кошки или собаки, и о глобальном потеплении.

Вот о чем мы не говорили: о вине, которое выпили, о влюбленности, в которой признался Джейк, и о том, как едва не поцеловались.

Поначалу я решила, что мы об этом не говорим, потому что это так важно. Но по мере того, как день клонился к вечеру и Джейк рассказывал про великий роман своего отца-шотландца и своей матери родом из Техаса, про свои любимые книги («Властелин колец» и «Одинокий Голубь» [2] и про свою дипломную работу о шокирующе откровенных любовных письмах Натаниэля Готорна к жене Софии (ей целые абзацы пришлось вырезать ножницами), я стала задаваться вопросом – а вдруг это все-таки важно. А может, и нет, вдруг он только ловко создавал видимость. А может, для его поколения поцелуи – совсем не то, что для моего.

И ведь мы даже не целовались!

Но он хотел. Или, по крайней мере, я думала, что он хотел. Вполне возможно, это я хотела. В том-то и заключалась проблема: я записалась на программу «ГТВ», чтобы стать лучшей версией себя, – и откатилась назад. За каких-то двадцать четыре часа белый стих моей жизни, который я надеялась преобразовать во что-то вроде хайку о природе с элементами фильмов о Чаке Норрисе, превратился в нелепый рефрен: «Я ему нравлюсь? О боже!» А суть-то похода не в этом. Когда Дункан впервые упомянул про программы выживания, я планировала поездку в Париж. Я отказалась от Парижа ради мудрости дикой природы. Но сейчас я очутилась не в Париже и не в дикой природе. А в старших классах школы.

Чем дольше мы ехали, тем больше я понимала, что мне надо обзавестись к нему иммунитетом. Начиная с сего момента. Я не просто откажусь от пари, я вообще его из памяти выброшу. У меня цель возвышенней, чем подобные глупости. За прошлый год я через круги ада прошла и не буду довольствоваться таким нелепым возвращением к жизни.

Я думала о той ночи, когда выгнала Майка. В тот день я поехала на плановый осмотр в женскую консультацию, и, вместо того, чтобы выдать мне стопку распечаток ультразвука, которые вешают на холодильник, меня огорошили новостью, что у меня будет выкидыш. По всей очевидности, мое тело «остановило производство» (как выразилась медсестра), и врач

[2] Цикл вестернов Ларри Макмертри.

отправил меня домой, предупредив, что на следующей неделе меня ждут приступы боли, и напоследок предписал найти кого-то, кто будет приносить мне чай и грелки. Разумеется, этим кем-то полагалось быть Майку, которому следовало бы пойти со мной в клинику. И который пошел бы, если бы напрочь не позабыл объявиться.

Позже я узнала, что он выпил несколько коктейлей на деловом ланче, полдня во хмелю валял дурака в офисе, а после отправился на «счастливый час» с «кое-какими» коллегами. «Счастливый час» перетек в загул до поздней ночи, и домой он попал, уже когда я спала. Я же домой приехала как в тумане, и, словно мое тело ждало разрешения, тем же вечером случился выкидыш, и болевые приступы начались всерьез.

Наутро я разбудила Майка, чтобы рассказать, что произошло, а еще заявила – мол, сдаюсь, из брака ничего не вышло. Все это я изложила минут за десять и без слез, горя или сожалений. Они пришли позже. Майк был слишком подавлен – или слишком мучился похмельем, – чтобы спорить. Он просто кивнул, не поднимая глаз. Когда мы расстались, я даже удивилась своей уверенности: вышвырнуть его было верным решением. Жизнь так долго была скверной, что, едва он ушел, мне ни разу не пришло в голову задуматься, а не попросить ли его вернуться. И, несмотря на несколько телефонных разговоров и встреч, чтобы уладить дела с переездом, Майк не предпринимал ничего, чтобы еще раз попытать счастья. Но это вовсе не значит, что, когда все закончилось, я не чувствовала себя опустошенной и потерянной. Еще как чувствовала. Но с того печального дня мне стало ясно, что как бы плохо мне ни было без Майка, с ним было бы гораздо хуже.

Вот чем был прошлый год – колебаниями маятника между паникой, вопросами, какие приходят, когда расстаешься с прежней жизнью, и бесконечным оцепенением, заполняющим все пространство между этими полюсами. Уверена, выпадали и моменты облегчения, но, когда я вспоминаю тот год, на ум приходит только одно: я одна, под флуоресцентными лампами в продуктовом магазине, где-то на заднем плане электронная музычка, бессмысленный шум кругом; толкаю перед собой скрипучую тележку с консервными банками, полными супа «Кэмпбелл». Моя печальная попытка найти утешение в еде.

Но с меня хватит флуоресцентных ламп и музычки. Год затянулся слишком надолго, но наконец-то закончился. Я готова сама себя удивить, черт возьми! Я готова к чему-то глубокому! Я готова испытать нечто трансцендентное! А Джейк и его губы (какое бы слюноотделение они ни вызывали) и близко под это не подходят. Как и положено взрослой, я отказалась вообще о нем думать.

Пока мы не остановились переночевать.

Джейк настоял на том, что понесет все сумки. В номере мотеля он уронил их со стуком. А потом повернулся ко мне, скрестил на груди руки и все испортил:

– Помнишь, я сказал, что пари отменяется?

– Да.

– Оно в силе.

– Пари не свет, его нельзя просто так включать и выключать!

– Конечно, можно.

Уперев руки в боки, я приняла самую властную свою позу.

– Это даже было не настоящее пари. Ты меня подпоил.

– Никого я не подпаивал. Ты сама напилась, дамочка.

– Без разницы. Я была нетрезва!

– Вот уж нет. В лучшем случае под хмельком.

– Джейк, – начала я, остро сознавая, что если почти поцелуй настолько выбил меня из колеи, то настоящий просто перевернет все с ног на голову, – это правда не самая удачная идея.

– Не согласен.

– Это ужасная, смехотворная, нелепая идея.

– Почему?

– Потому что! Потому что ты – лучший друг Дункана. Потому что я тебя даже не знаю. Потому что завтра мы отправляемся в поход по горам. И потому что ты вдвое меня младше.

– В полтора раза.

– Без разницы.

– Я все еще не услышал ни одного здравого аргумента.

– Джейк, – сказала я тогда, более или менее уверенная, что лгу. – Я просто не хочу. – Эти слова подействовали. Он опустил глаза. Он испустил долгий вздох поражения. Потом кивнул.

– О'кей, – сказал он. – Это – веский довод. – А потом взялся за низ футболки, подтянул вверх и одним движением стащил через голову. – Я в душ, – сказал он.

Он сделал это нарочно! На таком расстоянии я буквально не могла не пялиться на то, как перекатываются его мышцы, пока он роется в сумке в поисках туалетных принадлежностей. И вообще я невольно ела его глазами, когда он выходил из комнаты. Он походил на пловца-участника Олимпийских игр или еще кого – и едва меня это осенило, не успела я себя приструнить, как мысленно увидела, как он собирается прыгать с трамплина в плавках.

Господи ты боже!

Когда Джейк закрыл дверь, я хлопнула себя по лбу, мол – «возьми себя в руки». Но это не сработало. На самом деле я могла только стоять на месте, а мысли у меня без разрешения неслись вскачь. В сущности, я стояла на том же месте, когда Джейк вышел из душа в пижамных штанах и футболке с надписью «Гарвард», которая была на нем накануне вечером. Кое-как высушенные полотенцем волосы, как и вчера, лежали влажными завитками на шее.

Пройдя мимо меня, он устроился на своей кровати и открыл книгу. Книгу про китов. Единственную, какую он захватил с собой.

В том-то и заключалась проблема. Я действительно хотела его поцеловать. Стопроцентно дурная идея, это я и так точно знала, но почему-то не могла заставить себя поверить. Не могла заставить себя в это поверить, пока принимала душ. Пока вытирала волосы. Пока чистила зубы и надевала футболку, в которой собиралась спать. К тому времени, когда я переступила порог ванной и помедлила в дверях, чтобы на него посмотреть, я уже знала, что схватка проиграна. И в точности, как смотришь, как твоя рука тянется за печеньем, тогда как мозг знает, что есть его не стоит, я словно со стороны увидела, как подхожу к Джейку и задерживаюсь рядом с кроватью.

Он не поднял глаз.

– Ты начал все ту же книгу сначала, – сказала я.

Он упорно смотрел на страницу.

– Да.

С минуту я наблюдала, как он читает. Или делает вид, что читает.

– Иди сюда, – сказала наконец, испустив вздох поражения.

Джейк поднял глаза, но не двинулся с места – словно подначивал меня, правда ли я имею в виду то, что сказала.

– Лучше иди сюда, пока я не передумала.

Тут он вскочил с кровати. Книгу он бросил так быстро, что она упала на пол.

– Отнесемся к этому как к уроку, – сказала я, в полнейшем недоумении от того, что собираюсь сделать. – Я прочту тебе лекцию, можешь делать в уме зарубки на память.

Он выдал коронную свою усмешку.

– А я люблю делать зарубки на память. Я большой фанат зарубок на память.

– Исключительно в образовательных целях.

– И еще большой фанат образования. Я вообще отличник.

Мы стояли лицом к лицу, и в тот момент я вообще не могла припомнить, когда находилась к нему так близко. У меня слегка кружилась голова, как бывает после того, как приняла

решение, которое изменит твою жизнь. Я всерьез собираюсь давать урок поцелуев? Что мне вообще говорить? Я уцепилась за что-то, что прозвучало бы мудро.

– Суть поцелуев в том, что это баланс между притягиванием и отпусканием.

– Чертовски философское начало, – сказал Джейк.

– Как и во всем в жизни, – продолжала я, – здесь есть напряжение, толчок. Помню, в седьмом классе я целовалась с мальчиком, который засунул язык мне в рот и тыкал им как дохлой рыбой. Вот это, – сказала я, – неудачный поцелуй.

Джейк кивнул.

– Ты ведь не так целуешься, да? – спросила я.

Он помотал головой.

– Хорошо, – сказала я. – Когда целуешь кого-то, нужно помнить, что одновременно берешь и даешь. Прикосновение. Отстранение. Мало выписывать языком восьмерки. Ведь прикосновения отражают эмоции.

– Ты действительно всерьез об этом думала.

– Я никогда об этом не думала. Но, похоже, из меня недурной ученый.

И опять он скользит взглядом по моему лицу.

– И нельзя останавливаться на чем-то одном, – добавила я. – Нужно исследовать. – Его пристальный взгляд скользнул к моим губам.

– От губ к шее подруги?

– Всё. Ее шею. Ее горло. Ее ключицы. – Я сделала паузу. – И используй зубы.

– Хочешь, чтобы я ее укусил?

– Я имела в виду, для контраста. Губы – мягкие, зубы – твердые.

Я так и видела, как в голове у него крутятся шестеренки.

Идем дальше.

– О'кей, руки. Что с ними?

– На грудь? – Он пожал плечами, словно зная, что ответ неправильный.

– Неверно! Куда угодно, но не туда! Шея. Затылок. Волосы. Или середина спины. Но не хватай за грудь. Это право еще надо заработать.

Он сделал себе зарубку на натренированную Гарвардом память. А после положил руки – одну за другой – мне на бедра.

– Про бедра я ничего не говорила, – сказала я, просто чтобы его пожурить.

Он склонил голову набок:

– Я пока тебя не целую.

– Блиц-опрос! – сказала я тогда. – Когда поцелуй слишком долгий?

Он поднял щенячьи глаза к потолку и действительно задумался.

– Тридцать минут?

– Неправильно! Поцелуй не бывает слишком долгим.

– Но со временем она может захотеть перейти к другим вещам.

– Если все сделаешь правильно, определенно захочет.

– Не хочу ее разочаровывать.

– Разочарование бывает полезно! В разумных пределах.

Самый странный разговор на свете. Мы говорили о некоторой гипотетической женщине в третьем лице, зная, что на самом деле говорим обо мне. Или, по крайней мере, о той мне, какой я буду через несколько минут. И это я советовала ему не спешить, тянуть время. И исследовать. И кусать. И что хуже: мой голос говорил, но мое тело слушало. И очень, очень даже внимало. И к тому же оказывалось отличным учеником.

Каким-то образом и без того небольшое расстояние между нами исчезло. Джейк был всего в нескольких дюймах от меня. Я чувствовала тепло его тела и слабое движение воздуха от его дыхания.

– Разочарование подразумевает желание, – сказала я, стараясь соблюдать учительский тон. – А желать всегда лучше, чем иметь.

– Всегда?

Неприятно сообщать ему горькую правду.

– Всегда.

– Похоже на пытку.

– Нет, нет, нет, – поправила я. – Пытка – это желание без надежды. Желание с надеждой – предвкушение.

Он не спускал глаз с моих губ.

– Так поцелуи – это предвкушение?

Я кивнула, мучительно сознавая его близость. Футболка на нем была застиранная. Пахло от него мылом и мятой.

– Поцелуи – предвкушение чистой воды.

– А что тогда предвкушение поцелуев?

Но мой говорящий голос понемногу поддавался моему слушающему телу. Ощущения вытесняли рассудок. От его пристального взгляда у меня подкашивались ноги. И в голове было слишком пусто, чтобы сформулировать ответ.

– Мне еще много есть что сказать, – произнесла я, – но, похоже, я не могу вспомнить, что именно.

– И я тоже.

Повисла тишина, и в ней мы пересекли черту, за которую способны зайти слова. Вот оно: после всех оттягиваний предвкушение уступило еще большему предвкушению.

Джейк наклонился, его губы были уже меньше чем в дюйме от моих, но в тот момент, когда я ожидала, что он сделает следующий шаг и поцелует меня, он замер, точно пытался остановить мгновение, насладиться им. Я чувствовала, что на грани, чувствовала у себя на губах его дыхание, отдававшее мятной зубной пастой. А потом он положил руку мне сзади на шею и прижался губами к моим. И они были такими теплыми, твердыми и уверенными, как я могла бы догадаться. Как выяснилось, он отлично умел следовать инструкциям. Он прижался и отстранился. Он провел языком по моим губам и отступил. Он притянул и ослабил хватку. Во всем был роскошный ритм, словно тебя качает на океанских волнах.

– Боже ты мой, – произнесла я. – Ты действительно отличник.

– Я же говорил. Кстати, я хотел сделать это с той секунды, как тебя увидел. Хотел просто подойти к тебе и сделать именно это.

– То есть пока я шла к алтарю? Где собиралась обвенчаться?

Он кивнул.

– Довольно неловко получилось бы. – Я улыбнулась.

Но он был совершенно серьезен.

– Я всегда жалел, что не сделал этого.

– Ты слишком молод, чтобы о чем-либо сожалеть.

– Уж поверь. Не так и молод.

А потом он снова стал меня целовать, и в тот момент учебе официально пришел конец. Мне нечему было учить этого парнишку. Меня много лет так не целовали. Или вообще никогда.

Джейк толкнул меня на кровать, и я ему позволила, чуть рассмеявшись, когда мы пытались целоваться и одновременно вытянуться на кровати. Я откинулась на подушку и целовала его в ответ, растерянная, задыхавшаяся. Он перешел к ямочке у меня на шее, для контраста пустил в ход зубы – как и положено лучшему студенту «Лиги плюща». Мое тело впитывало ощущения.

Как в тумане я услышала собственный голос:

– Ты мне солгал.

Он поднял голову:

– Что?

Я посмотрела на него. Волосы, такие влажные, спутались и падали ему на лоб. Глаза блестели.

– Ты говорил, что не умеешь целоваться. Ты говорил, что ужасно плохо целуешься.

– А, это, – откликнулся он. – Извини. – Потом вернулся к моей шее и стал выписывать языком немыслимые круги.

– Я знала, что ты лжешь.

Он знал, что я знала. Он даже не пытался притворяться.

– На самом деле я довольно хорош.

Правда ли я рассердилась, что он мне солгал? Черт, нет!

А он продолжал, говоря мне в плечо, его голос звучал немного приглушенно:

– Ты никогда не сделала бы этого ради забавы. Ты никогда не сделала бы это на слабо. И уж конечно, не сделала бы, потому что хочешь. – Его губы поднимались по моему горлу, потом вверх по подбородку. Наконец он оторвался от меня. – Значит, доброе дело. Я знал, что ради доброго дела ты бы согласилась.

И он не ошибся.

– И не поверила бы, что ты такой проныра.

Он вернулся к моей шее.

– Только когда приходится.

– Тебе же не приходилось. Ты просто сам решил.

Он поднял голову:

– Пришлось.

Не успела я спросить, что бы это значило, он поцеловал меня снова – пока все кругом не расплылось, за исключением одного этого восхитительного ощущения.

– Я просто хотел тебя, – сказал Джейк. – Всякий раз, когда тебя видел, или о тебе слышал, или видел твою фотографию в комнате Дункана.

– И что чувствуешь теперь, когда я рядом с тобой?

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – сказал он. И секунду спустя добавил: – И это – чистая мука.

Я не знала то, что это значит, но понимала одно: он меня поймал. Если он мной играет, то я позволяю. Если это просто подростковая попытка завоевать старшую сестру друга, я завоевана. Отчасти дело было в том, как ловко он заставил меня себя поцеловать, но главным образом – в его бесконечно серьезном лице. Если он играл, он был величайшим актером на свете.

Он упомянул про муку. Я не хотела, чтобы он мучился. Я хотела, чтобы он испытывал все те приятные ощущения, что и я.

Подняв руки, я сцепила ладони у него на затылке и притянула его губы к своим. Я уже не играла в преподавателя. Это я, настоящая я целовала его и старалась сделать это как можно лучше. Я скользнула губами к его шее, делая в точности то, что он делал с моей, – а я точно знала, что это прямая противоположность мукам.

Когда он снова поднял голову, он словно бы не мог поверить своим глазам.

– Я рада, что ты обманом заставил меня тебя поцеловать, – сказала я.

– Я тоже.

– Мне целую вечность не было так хорошо.

– Мне тоже.

– Но у тебя, наверное, уйма подруг.

– В последнее время – нет. – Он встряхнул головой. – Они меня не интересуют.

И тут я задала вопрос, на который никогда не отважилась бы, не будь я пьяна поцелуями – и если бы он не провел последние полчаса, убеждая меня, что я уже знаю ответ.

– Но я тебя интересую?

– Да, – сказал он. – Но ты другим не чета.

– Ты действительно нравишься мне, Джейк, – сказала я. – Как так вышло?

– Понятия не имею. – Его благодарный взгляд скользил по моему лицу.

Он смотрел на меня так, словно запоминал все до последней детали – так, наверное, художник смотрит на натуру. Действовало это как афродизиак. И тут мне кое-что пришло в голову: за все те годы, что мы с Майком были женаты, и за все годы, когда он за мной ухаживал, и за весь этот невероятно долгий год, когда я была разведена – я ни разу не была с другим мужчиной, я вообще ни с кем не была. И внезапно мне ужасно захотелось быть с кем-то, заняться с кем-то сексом и чтобы этим кем-то был Джейк. И мне было наплевать, что он слишком молод, чтобы голосовать на последних президентских выборах, и мне было наплевать, что он лучший друг Дункана. Мне вообще было наплевать на все, кроме того чтобы получить лучшую, большую дозу того… чем бы оно ни было.

Скользнув рукой вниз, я нащупала завязки на его штанах.

Прервав поцелуй, он пристально посмотрел на меня сверху вниз.

– Что ты делаешь?

Я посмотрела на него снизу вверх.

– Развязываю твои штаны.

Он покачал головой.

– Не надо, – сказал он. – Если ты это начнешь, не уверен, что смогу остановиться.

– Зачем тебе останавливаться? – спросила я. Я нашла узел и начала его распутывать.

– Хелен, мы не можем. – Он накрыл мою руку своей.

– Конечно, можем.

– Хелен… Хелен… Не надо. Я правда тебя обманул. Ты никак не могла выиграть ту партию в «Скрэббл». Я был в сборной. Я участвовал в турнирах.

– Сейчас тебя этим подразнить или потом?

– Суть в том, что ты проиграла еще прежде, чем мы начали.

– И что?

– У меня были коварные намерения. Сама затея со «Скрэббл». Я знал, что ты не устоишь. Мне Дункан рассказал. Вот почему я вообще ее с собой захватил.

– Ладно, это было коварно, – сказала я. – Но ты же дал мне шанс отвертеться.

Я снова его поцеловала.

– Я пытаюсь поступить правильно.

– Не поступай правильно, – прошептала я ему в шею, как раз распутав узел на пижаме. – Не хочу, чтобы ты поступал правильно.

И тут он прижал меня к подушке и поцеловал так бурно, что у меня перехватило дух. Я думала, что мы до этого целовались, но сейчас поняла, что мы еще даже не начинали. Правильно, неправильно… Какая разница. Я растворялась в ощущениях, превращаясь в сплошное прикосновение и движение. То, что его сдерживало, исчезло, и теперь нас захлестнул вихрь желания. Вот оно. Решение принято. Мы собирались поступить неправильно, и не было ничего, что могло бы это остановить.

Пока не зазвонил телефон.

Мой телефон. Прямо на тумбочке, в нескольких дюймах от нас.

Мы замерли, глядя друг на друга, и стали ждать, когда он замолчит.

Он замолчал. А потом зазвонил снова. И на сей раз мы переждали, застыв, едва дыша.

Когда он зазвонил в третий раз, я не могла не посмотреть. Три звонка – всегда чрезвычайная ситуация. Или, как оказалось, бывший муж.

Я потянулась за телефоном – как в замедленной съемке, – и мы оба увидели на экране имя Майка.

– Не отвечай, – шепнул Джейк.

Я покачала головой:

– Надо.

Он перекатился на спину, признавая свое поражение.

Я нажала на кнопку. В комнате стояла тишина. Мертвая тишина. Я поднесла аппарат к уху.

– Майк?

– Элли?

Я терпеть не могла, когда он называл меня Элли.

– Можно мне приехать?

Я села, согнувшись над телефоном.

– Что случилось? Меня нет в городе.

В его голосе звучала дрожь, как бывало, только когда его обуревали чувства.

– Я просто выпил маленько колы с виски, – сказал он.

Его любимый напиток.

– Почему ты звонишь мне? Почему не позвонил своему спонсору?

– Не могу его найти. Он не отвечает.

Я поймала взгляд Джейка и виновато пожала плечами. Он отвел взгляд.

– Погоди минутку, – сказала я в телефон.

Встав, я расправила футболку, давая себе время взять себя в руки. Я чувствовала на себе взгляд Джейка – все несколько метров до ванной, потом закрыла за собой дверь.

– Сколько ты выпил?

– Я все выплюнул, – сказал он. – Я был на вечеринке и увидел полупустой бокал у раковины. Чей-то недопитый бокал, лед в нем растаял. Я просто взял его и опрокинул в себя. Но потом я не стал глотать. Я сразу все выплюнул.

Опустив крышку унитаза, я села.

– Но это же прекрасно, Майк. Ты молодец.

– Я не чувствую себя молодцом. Я чувствую себя ужасно.

– Где ты?

– Хожу по улицам. Мне надо было на воздух.

Наклонившись, я уперлась локтями в голые колени и попыталась приспособиться к смене обстановки. За четверть минуты – из мягкой кровати и водоворота блаженства с Джейком в холодную ванную с флуоресцентной лампочкой. Тот еще переход. Я не знала, что сказать Майку. Я несколько месяцев с ним не разговаривала.

– Думаю, так и должно быть, – сказала я наконец. – Это часть процесса.

Я понятия не имела, что это за процесс.

– А к тебе нельзя приехать? На пару минут? Я по тебе скучаю.

– Я же тебе сказала. Меня нет в городе. Я еду в Вайоминг.

Он помолчал.

– Зачем?

– Это – долгая история, – сказала я. – Я иду в поход.

– Пеший туризм? – переспросил он. – Ты хотя бы раз в жизни в поход ходила?

– Нет. В том-то и суть. Хочу сделать нечто новое.

Майк испустил долгий вздох.

– Хелен. Я сам не могу поверить, как прекрасно слышать твой голос.

Услышав это, я смягчилась. Я ему поверила.

– Мне жаль, что тебе так тяжко приходится.

И в это краткое мгновение нежности, одно из самых истинных, какие бывали у нас за многие годы, Майк сделал нечто, чего ни разу не делал за все время нашего брака. Он расплакался.

А разрыдавшись, никак не останавливался. Он рыдал с жаром – с пылом, какого я никогда от него не слышала. Он рыдал так, словно вообще делал это впервые. Или словно это последний раз. Это парализовало меня. От такого наводнения я не могла шевельнуться. К тому времени, как он выплакался, я проторчала в ванне больше часа.

Что тут скажешь? В следующий раз, когда ваш бывший муж решит наконец выплеснуть на вас все эмоции, какие сдерживал на протяжении шести лет брака, посмотрим, насколько эффективно вам удастся его заткнуть. Почему он выбрал именно этот момент? Он что, уловил, что я каким-то образом наконец собираюсь стать новым человеком, вырваться из-под его власти? Какой-то радар у него в мозгу подсказал, что я собираюсь отдаться другому? Совпадение было просто чудовищным. Он не мог бы выбрать лучшего момента, даже если бы напихал в номер жучков.

* * *

Когда я наконец вышла из ванной, Джейк снова читал про своих китов. Глаз он не поднял.

– Наверное, интересная. – Я жестом указала на книгу.

– На сей раз я подчеркиваю. – Он показал мне ручку.

Как легко было бы забраться к нему в кровать, прижать губы к его губам и затянуть нас обоих в прежний водоворот. Мы могли бы начать там, где нас прервали. Но час – долгое время. Тем более долгое, если говоришь по телефону с бывшим мужем. Или, в случае Джейка, сидишь наедине со своими мыслями.

У нас обоих был шанс хорошо подумать.

– Итак, – сказала я, стоя слишком далеко, чтобы получить ответ, какой мне хотелось. – Может, нам… вернуться… на чем мы остановились?

Джейк не отрывал глаз от книги.

Я присмотрелась к нему внимательней.

– Ты не хочешь.

– Очень хочу, – откликнулся он. – Ты понятия не имеешь.

– Тогда в чем дело?

– Мне вообще не следовало начинать. Я был эгоистом.

– Так будь эгоистом, – сказала я. – Мне плевать.

– А не следовало бы, – возразил он. – Тебе не нужен еще один эгоист.

Ну, конечно, Дункан все рассказал ему о Майке.

– О'кей, – сказала я. – Год выдался тяжелый. Или шесть лет. Разве теперь мне нельзя повеселиться?

– Не со мной.

– Ты злишься, что я ответила на звонок.

Он покачал головой:

– Нет. Я понимаю, почему ты это сделала.

– Он ничего для меня не значит, – сказала я.

– Что-то да значит, – протянул Джейк.

– Да, – признала я. – Конечно. Но я имею в виду… – Я помедлила. Я не знала, как это сформулировать. – Я пережила наш развод.

– Знаю. Дело не в этом.

– Тогда в чем?

– Наверное, у меня было слишком много времени подумать.

Я начала вышагивать от кровати до окна.

– Так теперь ты говоришь «нет»? Ты флиртовал со мной от самого Бостона и пялился на меня, словно я невероятно аппетитный десерт, а теперь собираешься просто все бросить?

Он снова это делал. Запоминал мое лицо.

– Джейк? Ты так собираешься поступить?

– Я должен.

– Да что у тебя с головой?! – не выдержала я.

Но он был так серьезен.

– Ты заслуживаешь кого-то получше меня.

– Вчера ты совсем другое говорил! Час назад ты совсем другое говорил!

Я знала уйму таких парней. Парней, которые хотят тебя, только когда не могут получить. Черт, я замужем за таким была.

– Не знаю, как объяснить, – сказал он, садясь прямее.

– Погоди… – Я сделала несколько шагов назад. – Это была шутка? – При одной только мысли меня пронзило чувство глубокого унижения. – Тебя Дункан взял на слабо или еще что? – Я огляделась по сторонам. – Ты что, записывал все на телефон, чтобы в Интернет выложить?

– Нет! – Он потер глаза. – Мне и в голову не приходило, что получится, ясно? Я думал, ты закатишь глаза, как всегда делаешь. Я не думал, что ты на самом деле меня поцелуешь, или откинешься на подушку, или посмотришь на меня так, словно я взаправду что-то для тебя значу. И уж точно не ожидал увидеть сумасшедшую ночнушку. И, черт, я и вообразить себе не мог, каково это будет – на самом деле тебя поцеловать.

Я еще немного прошлась взад-вперед. Все, что совсем недавно казалось таким правильным, обратилось в свою противоположность. Я опять подошла к окну. Больше идти было некуда.

– Ты красивая, – сказал он.

Но с меня было довольно. Меня захлестывал жгучий гнев. Резко обернувшись, я ткнула в его сторону пальцем.

– Заткнись сейчас же! Если не можешь объяснить, что происходит… Прости, это конец. Я имею в виду – совсем конец. Я даже разговаривать с тобой не захочу.

Он опустил взгляд. Я не могла разобрать выражение его лица. Он выглядел… Я не знаю… Встревоженным? Нервным? Не в своей тарелке? Несколько минут он смотрел прямо перед собой.

– Ну? – потребовала я наконец. – Ты мне что-нибудь объяснишь?

Тут он поймал мой взгляд, но ничего не ответил.

Я ждала столько, сколько способна ждать уважающая себя женщина.

– Ладно, – сказала я наконец. – Тогда все. – Я чувствовала, что лицо у меня разочарованное, и от этого становилось только хуже. – Надеюсь, вы с Дунканом хорошо посмеетесь, когда ты ему расскажешь.

– Все не так. Я никогда про это Дункану не скажу.

Я не знала, как относиться к печали в его голосе или к тому, как плечи у него поникли, точно у него вырвали сердце. Я понятия не имела, что со всем этим делать. Поэтому сделала единственное, что мне пришло в голову.

– Встань, пожалуйста, с моей кровати, – сказала я самым злющим тоном старшей сестры. – Я, черт побери, ложусь спать.

Глава 6

После я его игнорировала.

Я игнорировала его, пока мы спали. Я игнорировала его, когда нас разбудил будильник в телефоне. Я игнорировала его, пока мы чистили зубы, выписывались из мотеля и шли к машине. Я изводила его игнорированием – как закаленная львица, которой пыталась стать.

Утро выдалось ясное, и Джейк предложил повести. Я устроилась как можно дальше от него на пассажирском сиденье и прислонилась головой к окну. Я вставила наушники и, хотя мой iPod был не заряжен, делала вид, что слушаю музыку, на протяжении четырех часов, пока от нас все больше удалялись мотель и сама цивилизация.

Теперь я знала, с кем имею дело. Джейк хотел меня, только когда не мог получить. Есть такой тип мужчин: «Не стану вступать в клуб, который примет меня своим членом».

Знакомый типаж.

Все годы ухаживания и брака Майк любил меня, только когда я злилась. Или на что-то отвлекалась. Или была занята. Он любил преследовать, но в ту минуту, когда я позволяла меня поймать, ему вдруг начинало казаться, что его душат. Я довольно быстро поняла, что мне надо продолжать убегать, чтобы он не потерял интерес. Но довольно скоро я устала убегать. Довольно скоро мне просто захотелось быть пойманной.

Когда мы только познакомились, я сомневалась, нужно ли мне такое. Но Майк не жалел усилий: цветы, ужины, любовные письма. Какое-то время спустя он меня заарканил. Но приблизительно тогда, когда я начала ждать его звонков, он перестал звонить. Точно почувствовал мое настроение. Едва обнаружив, что он потерял интерес, я подчеркнуто занялась другим: разные проекты и встречи с друзьями, иногда даже на свидания ходила. Но едва мне удавалось отодвинуть его на задний план, он начинал звонить чаще.

Конечно, случались промежуточные между этими крайностями периоды, когда мы отлично ладили. Просто все укладывалось в такую общую схему, и мне потребовалось немало времени, чтобы разобраться, что к чему. А после потребовалось еще дольше на хотя бы попытку что-то поменять. Или потребовать, чтобы Майк изменился. Или надеяться, что семейный психолог что-то изменит. Но кое в чем люди просто не меняются. Сколько бы я ни понимала умом, что проблема в Майке, я так и не избавилась от ощущения, что со мной что-то не так.

Может, я правда подавляю людей? Или я слишком эмоциональна? Или слишком повисаю на ком-то? Я такой себя никогда не считала, но, наверное, себе всегда кажешься нормальной, потому что не знаешь, каково это – быть другим человеком.

Некоторое время спустя я взаправду увидела вдалеке горы. И они взаправду смотрелись пурпурными. Интересно, каким трюком физики это вызвано? Позволить Джейку поймать меня вчера вечером было воистину смелым поступком. В свете моего недавнего опыта дать себя поймать означает позволить, чтобы тебя бросили. В свете утра факт казался совершенно очевидным. Джейк добивался меня, поймал меня, потом оглянулся по сторонам, сморщил нос и сказал: «А вообще-то знаешь что? Не важно». Либо я действительно душу людей, либо что-то во мне привлекает только тех мужчин, которые хотят слишком малого.

Кто знает?

Кому какое дело?

Три года сеансов у семейного психолога научили меня, что конкретно эту проблему не разрешить. Мне повезло – чертовски повезло, – что Джейк ударил по тормозам. Баба с возу, кобыле легче. Одной бедой меньше, чтобы сожалеть. Его поблагодарить надо, что он все прекратил. Но почему-то я не испытывала благодарности. Скорее уж желание наказать его за то, что вообще это затеял.

За такими мыслями прошло все утро в пути.

К тому времени, когда мы подъехали к историческому охотничьему домику из дерева и камня, служившему штаб-квартирой компании «Горный туризм на Выживание», я возвела между нами довольно прочную воображаемую стену.

Когда Джейк поставил машину на ручной тормоз, я повернулась к нему.

– Эй! – окликнула я. Это было мое первое слово за четыре часа.

– Ну?

– Сделай мне одолжение, ладно?

Он встретился со мной взглядом.

– Конечно.

– Мы с тобой незнакомы.

– Незнакомы?

– Мы не приехали сюда вместе.

– Нет?

– И ты не запускал язык мне в рот.

Он задумался.

– Жестоко.

– Я тут пытаюсь кое-что важное сделать, – сказала я. – Для меня это не шутка.

– И для меня тоже.

– Я решилась на этот поход по определенной причине, а вовсе не для того, чтобы спутаться с другом младшего брата.

Он наклонил голову, точно я его задела.

– О'кей.

– Что бы вчера ни произошло, это не имеет значения.

Я была вне себя от злости, что попытки четыре часа кряду делать вид, будто мне наплевать, не слишком помогли. Мне так отчаянно хотелось не чувствовать себя униженной. И отвергнутой. И жалкой. Такого я уже на всю жизнь нахлебалась. Предполагалось, что поездка превратит меня в супергероиню, а не хнычущую восьмиклассницу. Я просто должна положить этому конец. Любыми необходимыми средствами.

– Ты мне никогда по-настоящему не нравился, – сказала я. Потом посмотрела на него с самым серьезным видом и добавила: – И мне бы очень хотелось, чтобы вчерашнего дня вообще не было.

Он отвел взгляд.

– Мне бы тоже хотелось, чтобы его не было.

А вот тебе и сюрприз! Пусть даже я произнесла эту фразу без малейшего чувства, когда она вернулась ко мне бумерангом, стало по-настоящему больно.

– Отлично. – Я добавила в тон фальшивой веселости. – Давай так и поступим.

Он нахмурился:

– Как?

– Притворимся, что ничего не было.

Он всмотрелся в мое лицо:

– Ты этого в самом деле хочешь?

– Если я чего и хочу, чтобы тебя сейчас тут не было. Или вообще никогда не было.

Он пожал плечами:

– Вот так. Значит, берем, что имеем. Мы незнакомы, мы друг другу чужие.

– Но мы не чужие.

– Еще как верно.

– Никто, кроме нас, этого не знает.

– Ты хочешь притвориться, что мы незнакомы?

Я кивнула.

– Я хочу настолько сильно притвориться, что мы сами почти поверим.

Тут он сделал глубокий вдох и заглянул мне в глаза, точно пытался что-то решить насчет меня.

– Я притворюсь ради тебя, Хелен, – сказал он наконец. – Но ничто на свете не заставит меня поверить.

Его напряженное лицо сбивало с толку.

– Ладно, – сказала я. – Согласна и на такое.

Что делать дальше, я не знала. Я протянула ему руку.

– Тогда, наверное, это значит – прощай.

Он с секунду смотрел на мою руку, потом взял ее. Мы пожали друг другу руки.

– До свиданья, – сказал он, не поднимая глаз. И вышел из машины. И вот так в мгновение ока мы стали друг другу чужими.

* * *

Джейк оказался умелым притворщиком. Во время регистрации он стоял на приличном расстоянии позади меня. Когда я поднималась по лестнице, чтобы отнести в мою комнату вещи, он не смотрел мне вслед. Я вообще его не видела до вечернего собрания, где нас должны были сориентировать; там я села в заднем ряду, а он – в первом, точно вообще не знал о моем присутствии.

Отлично, подумала я. Просто великолепно.

Но ничто не казалось отличным или великолепным. Глядя на то, как комната заполняется людьми, я все больше чувствовала себя не на своем месте. Собрались сплошь ребятишки из колледжей, что, если подумать, было вполне логично. У кого еще столько свободного времени летом? Или вообще когда-нибудь? По мере того как в дверях появлялись один за другим высокие, худые двадцатилетки, их одинаковость снова и снова била меня по голове. Все они были в одинаковых футболках – сплошь с греческими буквами в память о той или иной вечеринке – и в одинаковых нейлоновых шортах, и в сникерсах одного и того же неонового оттенка. У них был одинаковый блеск для губ, и тени на веки они наносили одинаково. Волосы до плеч выпрямлены, высушены феном, уложены приблизительно в одну прическу. Лишь незначительные вариации на все ту же тему двадцатилетних.

Нелепо, конечно, думать, что все они были одинаковыми. По мере того как шли недели, я начала видеть, насколько они разные, сколько бы они ни пытались вписаться или соответствовать стандарту. Но в тот момент мне это мало чем помогло.

В поход, казалось, собрались только два типа людей: все они и я. Бледная я. Веснушчатая я. Волнистые волосы не блондинистые, а рыже-русые и собраны в узел на шее. Одета – господи боже! – в черные штаны для йоги, простые черные сандалии и симпатичную облегающую майку-батик из «Оулд Нэви». Майка очень мне нравилась, когда я ее покупала, и когда упаковала, и даже когда надевала утром. А теперь, похоже, именно она помешает мне стать своей. То есть я так думала до тех пор, пока в голове у меня не начал сам собой составляться список всего того, что помешает мне стать своей: мой возраст, мой развод, то, что ногти у меня на ногах покрашены в цвета радуги, каждый в свой. Я ничем не походила на этих детей. Я была обречена.

Но где же взрослые? Парни с кризисом среднего возраста? Биржевые маклеры с фантазиями о том, как будут валить лес? Мамаши из кантри-клуба, желающие доказать что-то тренерам по фитнесу? Я ожидала увидеть, по крайней мере, одного-двух взрослых. Но в этом походе их не наблюдалось. Этот поход был вечеринкой студенческого братства. Не хватало только пива из пластиковой бочки.

Для протокола заявляю, что в мои тридцать два я едва ли старая. Тридцать два – это не старая. Тридцать два – это взрослая. И довольно приятный возраст, если уж на то пошло. Я никогда не расстраивалась из-за своих тридцати двух.

До сих пор.

Окруженная одними лишь детишками из колледжа, я решила, что я не такая уж поклонница студентов. Слишком они были уверены в себе, на мой вкус, слишком горды. Они были поколением, верящим в собственную Ценность с большой буквы, они все были потрясающими. Где сомнения? Тоска? Ненависть к себе?

Не может же быть, что я буквально самая старая в группе. Я все ждала, когда придет инструктор. Уж он-то – или она – будет взрослым, так? Эдакий кряжистый загрубелый житель гор, во фланелевой рубашке, с подвывихнутым коленом и шрамом под подбородком от схватки с медведем. Мне бы очень хотелось такого инструктора: мудрого и надежного, вроде Гриззли Адамса, который в фильме медведей приручил.

Но получила я совсем иное. Ровно в три пополудни, минута в минуту, в дверном проеме возник старшеклассник и с порога оглядел собравшихся. Никто, кроме меня, его не заметил. Я наблюдала за ним несколько минут, прежде чем решила подать голос и отправить его на собрание дошкольников по ту сторону коридора, – и как раз в этот момент он назвался нашим инструктором.

У меня челюсть отвисла. Ему едва шестнадцать исполнилось. С жидкой бороденкой, худой как жердь, еще мускулы не нарастил. Бледный, чуток прыщавый, с сальными волосами и в вязаной шапке цвета свеклы. Я бы предположила, что он разработчик видеоигр или продавец из киоска в кинотеатре, или, может даже, великовозрастный разносчик газет. Но никак – ни в коем случае! – не тот, кто поведет меня в величайшее путешествие моей жизни.

Голос у него оказался таким же жиденьким, как и растительность на лице.

– Слушайте сюда, ребята, – сказал он. – Пора учиться.

Я не выдержала и подняла руку.

– Сейчас не время для вопросов, – сказал он.

– Вы действительно инструктор? – спросила я.

Он ткнул пальцем в нашивку на ремне своего рюкзака.

– Это нашивка инструктора?

– Не знаю, – честно ответила я. – А это нашивка?

– Она самая. И я инструктор.

– Сколько тебе лет? – спросила я, у меня просто вырвалось.

Он выпрямился во весь рост.

– Достаточно.

Но ведь недостаточно. Честное слово, недостаточно. Я ощутила укол тревоги.

– Я – Беккет, – обратился он к собравшимся разом. – На протяжении следующих трех недель я – ваш единственный шанс на выживание.

Он скрестил руки на груди и смотрел, прищурясь, как доходят его слова.

– Я расскажу вам кое-что о себе, о нашей программе и о наших глухих местах. Но сначала вы, ребята.

Усевшись на свободный стул, он подался вперед, словно приказывая всем нам добровольно выдать свои имена, возраст и что собственно привело нас сюда.

Последнее показалось слишком уж серьезным вопросом. Что собственно меня сюда привело? Я все еще силилась найти ответ. Я за себя не могла бы ответить, не говоря уже о горстке самонадеянных детишек.

Беккет ждал добровольцев. Наконец руку подняла девушка с внешностью модели «Джи Крю», показав заодно полное отсутствие жира на этой самой руке. Вот эта от остальных чуточку отличалась. У нее были длинные светлые волосы и совершенно отсутствовал макияж.

Конечно, она была настолько красива, что не нуждалась в косметике, но даже такого небольшого отклонения хватило, чтобы привлечь мое внимание.

– Я Уинди, – сказала она. – И я здесь, потому что мой старший брат пять лет назад ходил в такой поход и говорит, что он изменил его жизнь. Правда, в моей я бы ничего менять не стала!

Беккет кивнул:

– Сколько тебе лет, Уинди?

– Двадцать один.

Как выяснилось, большего Беккету не требовалось. Я опять слишком себя накрутила. Ему не были нужны истории нашей жизни или наши надежды и мечты. Просто имя, возраст и резюме в одной фразе. В каком-то смысле это было проще – и намного сложнее. Уинди выглядела так, словно ожидала больше вопросов, но Беккет уже перешел к следующему добровольцу: высокому парню в бейсболке, нахлобученной задом наперед.

– Я – Мэйсон, – сказал он. – Учусь на первом курсе в Университете Северной Каролины, вашу программу я оплатил, взяв кредит в колледже, и я надеюсь на «околосмертные переживания» [3].

– Сколькие из вас тут брали кредит? – спросил Беккет.

Почти все руки поднялись. Еще одна причина, почему тут столько студентов: взрослым гораздо труднее получить кредит на что-либо.

– Я – Кейли, – сказала одна девушка, когда руки опустились. – Учусь на втором курсе в университете Оберн, состою в «Пи Фи» и надеюсь вернуться заправской культуристкой.

Вот это задало тон. Один за другим детишки вскакивали и выдавали ответы по той же схеме. Имя, возраст, университет, греческие буквы из названия студенческих обществ и цель поездки в десяти словах или меньше. Все они учились на втором или первом курсе. Все учились в крупных южных университетах. Мальчики надеялись на соприкосновение со смертью, а девочки все до одной – на брутальные недели в дикой местности, после которых вернутся, основательно подтянув тело. Каждый тут был по идиотской причине.

То есть все, то есть кроме меня и, наверное, той девочки по имени Уинди. И, возможно, Джейка. Хотя, – пришло мне вдруг в голову, – я понятия не имею, зачем он тут.

Я тянула время. Моя жизнь не укладывалась в их схему, и я панически боялась, что придется сказать об этом перед всеми. Я решила, мол, подожду, что скажет Джейк, и, возможно, что-нибудь у него сворую. Но Джейк тоже не собирался добровольно что-то выдавать. Он, казалось, ждал меня.

Когда высказались все, кроме нас двоих, Беккет оглядел собравшихся:

– Ну? Кто следующий?

– Она. – Джейк указал на меня.

Все повернулись ко мне – парни в кожаных куртках, в футболках с надписью «ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА», с ожерельями из акульих зубов на шее, девочки с противоестественно загорелыми лицами и губами, намазанными блеском. Я оглядела группу. Мягко говоря, не те, кого я ожидала. Возможно, я сама себя обманывала, учитывая, сколько всего наговорил Дункан о тех, кто записывается в подобные походы, но я ожидала увидеть заправских хиппи. И фанатов жизни на природе. Тех, кто делает покупки в магазинах здорового питания. Читает журнал «Аутсайд». Поклонников одежды из конопли. Спортсменов. Возможно, поэта-другого. А вместо этого меня окружали ребятишки, каких видишь на весенних каникулах в реалити-шоу. Пугающе фотогеничных юношей и девушек, эгоцентричных и бессердечных, – все мы такими бываем, пока жизнь нас не потрепала.

Моя очередь. «Кто я? Почему я здесь?»

Секунды тикали. Детишки пялились.

---

[3] Данное выражение – термин из психологии, как бы дико он ни выглядел. – (*Прим. перев.*).

Наконец я выдавила слова – вообще первые, какие в голову пришли.

– Меня зовут Хелен. Я не учусь в колледже. То есть больше не учусь. Я уже закончила. Много лет назад. Но, когда я была в вашем возрасте, я училась в Вассаре [4], но я не состояла ни в одном обществе, потому что у нас их не было.

Тут они перестали меня понимать. Я была существом с другой планеты.

– Мне тридцать два года, – продолжала я, все глубже роя себе яму, – и в прошлом году моя жизнь пошла под откос.

Детишки моргали, точно в буквальном смысле понятия не имели, как чья-то жизнь может пойти под откос. Но такого просто не могло быть. Каждая девушка, как бы тщательно ни подводила глаза карандашом, хотя бы когда-то сталкивалась с разочарованием или утратой. И чем старше становишься, тем больше про это знаешь. Возможно, не в том дело, что они ничего не знают, возможно, они просто знают слишком мало.

Что-то в их бессмысленных взглядах принудило меня попытаться до них достучаться, хотя, разумеется, это противоречит физике человеческой жизни: люди не способны понять какие-то вещи, пока не сумеют их понять.

– Если уж на то пошло, у меня был развод, – услышала я собственный голос. – Мы пытались завести семью, но не получилось.

Мой взгляд скользнул мимо Джейка, который едва заметно качал головой, словно говоря: «Не надо! Перестань!»

Но я не могла. Я уже не могла остановиться. Они притихли. Я их поразила – и не в лучшем смысле, и слова сыпались у меня изо рта, я просто не могла заткнуться, пока не выговорюсь, не достигну своего рода катарсиса.

– Я помню учебу в вузе. – Я понизила голос под стать тишине в комнате. – Я была безумно влюблена в одного парня, который был мне далеко не ровня. Красив, как греческий бог, а я – просто обычная, чуть неловкая смертная. Не мое дело было питать к нему какие-то чувства, но как-то он подхватил меня, когда я споткнулась на лестнице, и я не могла выбросить это из головы. Как-то в библиотеке я посмотрела на него и решила, что после церемонии вручения дипломов я его поцелую. До этого было еще три года, но я торжественно себе поклялась, что это сделаю. И не потому что от этого он внезапно в меня влюбится. Я собиралась сделать это для себя самой. Себе в подарок. Поскольку я собиралась сохнуть по нему так долго, вообще ничего из этого не получив. Я раз за разом воображала себе эту сцену. Планировала различные варианты. И знаете что? – Мой взгляд уперся в пол, и я не подняла его и не стала ждать ответа. – Церемония прошла, а я ничего не сделала. Нельзя сказать, что я струсила. Просто в тот день я осознала, что реальность испортит фантазию. А я предпочитала фантазию. И знаете что еще? С год назад я столкнулась с ним на автозаправке и даже не поздоровалась. – Наконец я подняла глаза. – Вы пока этого не понимаете, но такова, по сути, жизнь: нарушение обещаний себе самим.

С этими словами я провалилась на самое дно. Моя попытка катарсиса и искупления – сказать что-нибудь мудрое и полезное для них – канула в тишину, какая наступает, когда сумасшедшая кошатница рассказывает, как ее мистер Миттенс однажды съел таракана. Наверное, если обсуждаешь жизненные проблемы только со своей злобной собакой, у которой крысиный хвостик, с людьми непременно потом пойдет наперекосяк.

По всей видимости, как раз в этом я и нуждалась – в сокрушительно неловком молчании и в том, чтобы внезапно увидеть себя во всей красе глазами группы незнакомых людей. Мне надо было потерять всякую надежду, и это так или иначе меня освободило.

[4] Один из самых престижных колледжей США, эквивалент Йльского университета для женщин.

– Вот почему я здесь, наверное, – сказала я наконец. – Чтобы стать сильнее и жестче. Чтобы меньше переживать. Подняться из пепла моего существования как действительно крутой феникс и показать жизни фигу.

После чрезмерно долгой паузы Беккет повернулся к Джейку.

– О'кей, – сказал он, растягивая «эй», словно бы говоря: «Вот уж свихнувшаяся тетка!» – Что насчет тебя?

Мы все повернулись к Джейку. Именно тогда я впервые увидела его – в контексте – и заметила, что выглядит-то он не как остальные парни. Все они были в бейсболках и холщовых шортах, в просторных рубахах. Невзирая на индивидуальные вариации в габаритах, цвете и длине волос – они все были почему-то схожие, мальчишеские версии девчонок. Но Джейк – в красной винтажной гавайской рубашке, в потертых штанах цвета хаки и сандалиях. На голове у него была видавшая виды хлопковая шляпа, какую носят рыбаки, к тулье была приколота самодельная мормышка – в такой шляпе ему следовало бы выглядеть совершенно по-идиотски. Но почему-то нет. Возможно, дело было в мышцах под рубашкой. Или хипстерские очки делали его похожим на кинозвезду в духе Гарри Гранта. Или самой своей нелепостью шляпа, без тени сомнений, доказывала, что ему правда наплевать, что о нем думают. Но все собравшиеся, включая меня, подумали разом то же самое: этот парень будет тут верховодить.

Джейк сверкнул собравшимся широкой, кокетливой улыбкой.

– Почему я здесь? – Тут он ткнул в мою сторону большим пальцем и произнес: – По той же причине, что она.

Собравшиеся разразились громким, разряжающим напряжение смехом. Даже я с минуту смеялась. Пока не поняла, что смеются-то тут не вместе со мной.

– Нет, правда, – сказал тогда Джейк, и остальные притихли. – Серьезно. – Он огляделся по сторонам. – Я согласен с рыжей. – Он чуть прищурился, глядя на меня. – Или рыже-русой. – Оставшиеся смешки стихли, и кое-кто из ребятишек посмотрел на меня. – Она – прости, не расслышал твоего имени, – не так уж не права. Жизнь всем наподдаст под зад. Всем нам. Включая меня. И, наверное, я тут, чтобы научиться это пережить. И принимать это по-мужски. Или, может, научиться чуток давать сдачи. – Он посмотрел на меня. – Как она. – И этим, возможно, даже одним только взглядом он меня спас. – Да, кстати, меня зовут Джейк, – добавил он. – И я не учился в Вассаре. Но я только что закончил Гарвард.

Второй раз в комнате воцарилась тишина – но на сей раз благоговейная. В тот момент Джейк официально стал нашим альфой. Для ребятишек – потому что был крут, уверен в себе, клевый и дружелюбный и только что диплом получил – что, по сути, делало его самым старшим. И для меня тоже. Потому что потрудился спасти меня даже после того, как я весь день скверно с ним обходилась.

А вот Беккет не желал, чтобы альфой был Джейк. Он тут же вскочил, чтобы отвоевать себе место лидера, и, когда Джейк снова сел, требовательно вопросил голосом, который вдруг прозвучал на пару тонов ниже:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.